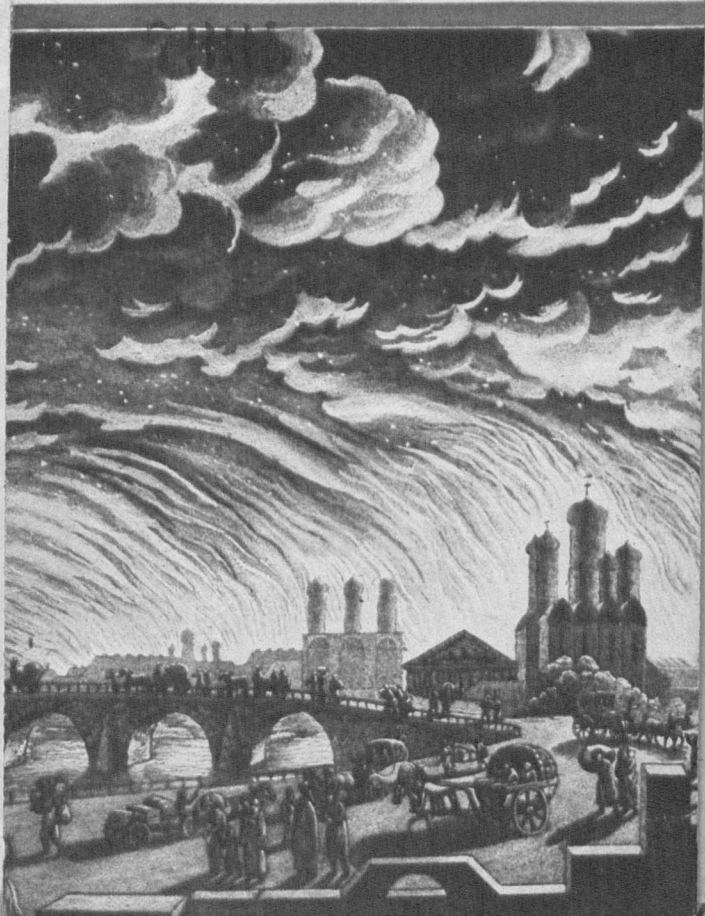

ПОЖАРЪ МОСКВЫ.

195-6-20

»ИСТОРИЧЕСКОЕ ЗНАНИЕ».

Выпускъ II.

7335

195-6-23

Пожаръ Москвы. БЕ7
С 284

△ 404
309

1812 г.

Мемуары графа де-Сегюра.

1812 г.

Издание Московскаго Т-ва

«ОБРАЗОВАНИЕ».

2007083970

B-39-21820

Типографія Русскаго Товарищества. Москва.
Телефонъ 18-35.

ПОЖАРЪ МОСКВЫ.

Наполеонъ вошелъ въ Москву лишь при наступленіи ночи. Онъ остановился въ одномъ изъ домовъ Дорогомилова. Тамъ онъ назначилъ губернаторомъ столицы маршала Мортъе. «Главнымъ образомъ слѣдите, чтобы не было грабежа», сказалъ онъ, «вы отвѣчаете мнѣ за это своей головой! Примите всѣ мѣры, чтобы защищать Москву!»

Эта ночь была печальна: злобѣщіе рапорты слѣдовали одинъ за другимъ. Французы, жившіе въ этой странѣ, и даже одинъ офицеръ русской полиціи пришли возвѣстить о пожарѣ. Офицеръ даже сообщилъ подробности о приготовленіяхъ къ нему. Взволнованный Императоръ тщетно искалъ покоя и ежеминутно переспрашивалъ объ этомъ роковомъ извѣстіи, все еще не довѣряя ему до того момента, когда около двухъ часовъ утра онъ узналъ, что огонь вспыхнулъ.

Первымъ загорѣлось огромное торговое зданіе, помѣщавшееся въ центрѣ города въ одномъ изъ богатѣйшихъ кварталовъ. И тотчасъ же Наполеонъ успѣшилъ отдать соответству-

юція приказанія, а при наступленіи дня самъ поспѣшилъ на мѣсто пожара, обратившись съ грозной рѣчью къ молодой гвардіи и къ Мортье, который въ отвѣтъ указалъ ему на дома, крытые желѣзомъ: они продолжали стоять запертыми, нетронутыми, безъ малѣйшаго слѣда взлома, а между тѣмъ чернѣйшій дымъ клубился, выходя изъ нихъ. Наполеонъ, полный раздумья, вступилъ въ Кремль.

При видѣ кремлевскаго дворца полу-готическаго, полу-современнаго, дворца Романовыхъ и Рюриковичей, при видѣ ихъ трона, еще не низвергнутаго, при видѣ креста колокольни Ивана Великаго и красивѣйшей части города, увѣнчанной Кремлемъ и еще не охваченной пламенемъ, которое пожирало лишь пока торговый кварталъ, — Наполеонъ вернулся къ своимъ прежнимъ надеждамъ. Его тщеславію льстило такое завоеваніе. Онъ громко воскликнулъ: «Наконецъ-то я въ Москвѣ, въ древнемъ дворцѣ Царей! Въ Кремль!» И онъ съ горделивымъ лобопытствомъ и чувствомъ удовлетворенія разсматривалъ всѣ мелочи.

Тѣмъ не менѣе онъ велѣлъ приготовить ему отчетъ о ресурсахъ, имѣющихся въ городѣ, и вновь исполненный надежды сталъ писать Императору Александру письмо съ предложеніемъ мира. Какъ разъ въ это время въ большомъ госпиталѣ нашли непріятельскаго штабъ-офицера и поручили ему передать это письмо по на-

значенію. Это письмо было закончено и передано офицеру при зловѣщемъ свѣтѣ пламени, которое все выше и выше подымалось надъ торговымъ кварталомъ. Вмѣстѣ съ письмомъ Наполеона русскій офицеръ долженъ былъ доставить своему государю извѣстіе объ этомъ бѣдствіи, но пожаръ былъ единственнымъ отвѣтомъ русскаго Императора.

При наступленіи дня усилія герцога Тревизскаго потушить огонь увѣнчались успѣхомъ, но поджигателей не находили и стали сомнѣваться въ ихъ существованіи. Наконецъ, благодаря строгимъ мѣрамъ, порядокъ былъ восстановленъ, безпокойство разсѣялось и каждый подыскалъ себѣ удобный домъ или пышный дворецъ, рассчитывая найти въ немъ покой и всѣ удобства, купленные цѣною долгихъ тяжелыхъ лишеній.

Два офицера расположились въ одномъ изъ кремлевскихъ зданій, откуда имъ открывался видъ на сѣверную и восточную части города. Около полуночи ихъ разбудилъ необычайный свѣтъ, и они увидали, что пламя охватило дворцы: сначала оно освѣтило изящныя и благородныя очертанія ихъ архитектуры, а потомъ все это обрушилось. Замѣтивъ, что сѣверный вѣтеръ гонить огонь прямо на Кремль, они испугались за эту крѣпость, гдѣ отдыхали избранная часть арміи и ея вождь. Ихъ безпокоила также участь окрестныхъ домовъ, гдѣ помѣщались наши сол-

даты и лошади, которые, утоливъ, наконецъ, свой голодь и изнемогая отъ усталости, были погружены въ глубокий сонъ. Пламя и горящiе осколки уже долетали до крышъ Кремля, какъ вдругъ вѣтеръ измѣнилъ направленiе и огонь перебросился въ восточную часть города.

Тогда, успокоившись за судьбу своего корпуса, одинъ изъ этихъ двухъ офицеровъ снова легъ спать, сказавъ: «Это дѣло другихъ и насъ не касается!» Такая безпечность являлась слѣдствiемъ многочисленныхъ несчастныхъ событiй, которыя какъ бы притупили все чувства; подобный эгоизмъ былъ вызванъ избыткомъ усталости и страданiй и, благодаря всему этому, у каждаго оставалось силы лишь настолько, чтобы соблюдать необходимую осторожность лишь по отношенiю самого себя.

Новый яркий свѣтъ разбудилъ ихъ опять и они, увидѣвъ огонь, показавшiйся уже совершенно съ другой стороны и гонимый вѣтромъ прямо на Кремль, стали проклипать неосторожность и беспорядочность французовъ, которыхъ они обвиняли въ этомъ несчастiи. Вѣтеръ трижды мѣнялъ направленiе съ сѣвера на востокъ и трижды этотъ враждебный огонь, словно упрямый разъяренный метитель, устремлялся по направленiю императорскаго квартала.

При этомъ зрѣлищѣ у нихъ мелькнуло страшное подозрѣнiе: неужели москвичи, зная нашу

смѣлую безпечность, возымѣли надежду вмѣстѣ съ Москвой сжечь нашихъ солдатъ, которыхъ опьянили вино, усталость и сонъ? Или, можетъ быть, они осмѣлились подумать, что погубять Наполеона въ этой катастрофѣ, что гибель этого человѣка равноцѣнна гибели ихъ столицы и что для этого стоитъ пожертвовать всей Москвой, быть можетъ они предполагали, что небо, даруя имъ такую великую побѣду, потребуеть столь же великой жертвы и что, наконецъ, для такого громаднаго колосса нуженъ такой же громадный костеръ?

Неизвѣстно, таковы ли были намѣренія русскихъ, но счастливая звѣзда Императора помѣшала ихъ исполненію. Въ самомъ дѣлѣ, въ Кремлѣ былъ цѣлый складъ пороха, о которомъ мы не подозрѣвали, и кромѣ того въ ту же ночь сонная и беспорядочно разставленная стража пропустила въ эту крѣпость цѣлый артиллерійскій паркъ, который расположился подъ окнами Наполеона.

Лучшая часть арміи и самъ Императоръ погибли, если бы хотя одна изъ головешекъ, летавшихъ надъ нашими головами, упала на какой-нибудь изъ пороховыхъ ящиковъ. Такимъ образомъ въ теченіе нѣсколькихъ часовъ судьба всей арміи зависѣла отъ ничтожныхъ искръ, носившихся въ пространствѣ. Наконецъ наступилъ день и его хмурое ненастье, слившись съ этимъ ужасомъ, заставило его померкнуть. Боль-

шинству казалось, что причиной пожара были пьянство и разнузданность нашихъ солдатъ, а что сильный вѣтеръ лишь раздулъ пламя. Мы сами смотрѣли другъ на друга съ какимъ-то отвращеніемъ. Насъ пугаль тотъ крикъ ужаса, который долженъ раздаться по всей Европѣ. Мы приближались другъ къ другу, боясь поднять глаза, подавленные этой страшной катастрофой: она порочила нашу славу, грозила нашему существованію въ настоящемъ и въ будущемъ; отнынѣ мы становились арміей преступниковъ, которыхъ осудить небо и весь цивилизованный міръ. Мы разставались съ этими мрачными мыслями и забывали о нашей ярости къ поджигателямъ лишь въ тѣ минуты, когда жадно спрашивали о тѣхъ извѣстіяхъ, судя по которымъ русскіе являлись единственными виновниками бѣдствія.

Въ самомъ дѣлѣ, свѣдѣнія, приносимыя съѣзжавшимися со всѣхъ сторонъ офицерами, совпадали между собой. Въ первую же ночь, съ 14-го на 15-е огненный шаръ спустился надъ дворцомъ князя Трубецкого и поджегъ это строеніе—что послужило сигналомъ. Тотчасъ же была подожжена и Биржа, при чемъ было замѣчено, какъ солдаты русской полиціи помогали пожару при помощи смоляныхъ коньевъ. Затѣмъ взорвались предательски заложенные въ печи многихъ домовъ гранаты, ранившія солдатъ, которые толпились вокругъ этихъ

строений. Тогда наши удалились въ ущѣлѣвшіе кварталы за поисками новыхъ жилищъ, но, прежде чѣмъ войти въ эти запертые и покинутые дома, они останавливались, услышавъ тамъ легкій трескъ взрыва, вслѣдъ за нимъ поднималась тоненькая струйка дыма, которая быстро становилась густой и черной, затѣмъ красноватой, наконецъ принимала огненную окраску и вскорѣ все зданіе обрушивалось въ вихрь пламени!

Всѣ видали мужчинъ съ звѣрскими лицами, покрытыхъ лохмотьями, и разъяренныхъ женщинъ, блуждавшихъ среди пламени и дополнявшихъ собой ужасную картину ада. Эти бродяги, опьяненные виномъ и преступнымъ успѣхомъ, не пытались больше скрываться, они побѣдоносно сновали по воспламенившимся улицамъ, ихъ ловили въ то время, какъ они, вооруженные факелами, старались распространить пожаръ; для того, чтобы вырвать у нихъ эти факелы, приходилось ударами сабли отрубать имъ руки. Всѣ говорили, что эти бандиты были выпущены изъ тюремъ русскими властями, чтобы сжечь Москву и что въ самомъ дѣлѣ столь великое и столь крайнее рѣшеніе могло быть подсказано лишь патріотизмомъ и выполнено лишь рукой преступника.

Тотчасъ же былъ отданъ приказъ предать суду и разстрѣлять на площади всѣхъ этихъ поджигателей. Армія была на ногахъ. Старая

гвардія, которая цѣликомъ помѣщалась въ одной части Кремля, взялась за оружіе; вещи, нагруженные лошади наполняли все кремлевскія площади; мы были подавлены изумленіемъ, усталостью и отчаяніемъ при видѣ гибели такихъ богатыхъ и удобныхъ помѣщеній для войска.

Такимъ образомъ, намъ, хозяевамъ Москвы, приходилось безъ провіанта отправляться за городъ, чтобы расположиться тамъ бивуакомъ.

Въ то время, какъ наши солдаты боролись съ пожаромъ и армія оспаривала у пламени свою добычу, Наполеонъ, сонъ котораго не осмѣлились прервать въ теченіе ночи, проснулся при двойномъ свѣтѣ—дня и пламени. Первымъ его порывомъ было раздраженіе и желаніе побороть стихію, но скоро онъ принужденъ былъ уступить и смириться передъ невозможностью. Пораженный тѣмъ, что, нанеся ударъ въ самое сердце страны, онъ встрѣтилъ въ ней отношеніе, ничего общаго не имѣющее съ покорностью и страхомъ, Императоръ почувствовалъ себя побѣжденнымъ рѣшимостью непріятели, превзошедшую его собственную рѣшимость.

Это завоеваніе, для котораго онъ всемъ пожертвовалъ и которое было словно призракъ, котораго онъ, казалось, уже коснулся рукой, разсѣялся въ пространствѣ въ видѣ клубовъ дыма и пламени! И тогда необычайное волне-

ніе охватило Императора, какъ будто и его пожирало окружающее пламя. Онъ быстрыми шагами обходилъ всѣ свои апартаменты, рѣзкими, порывистыми движеніями обнаруживая свое мучительное безпокойство. Онъ то принимался за свою спѣшную работу, то оставлялъ ее, стремительно бросаясь къ окнамъ, чтобы наблюдать за усиленіемъ пожара. Рѣзкія и отрывистыя восклицанія вырывались изъ его стѣсненной груди: «Какое ужасное зрѣлище! Это они сами! Столько дворцовъ! Какое невѣроятное рѣшеніе! Что за люди! Это скибы!»

Отъ мѣста пожара Наполеона отдѣляли обширное пустое пространство земли и Москварѣка съ ея обѣими набережными; и, тѣмъ не менѣе, оконныя стекла, къ которымъ онъ прислонялся, сдѣлались уже горячими, а пожарные, стоявшіе на желѣзной крышѣ дворца и безпрестанно очищавшіе ее, не успѣвали отбрасывать огненные головешки, все устремлявшіяся къ этому мѣсту.

Тутъ еще прошелъ слухъ, что подъ Кремлемъ заложены мины: это было говорено русскими и подтверждалось документами; нѣсколько слугъ потеряли голову при этомъ извѣстїи; военные стали хладнокровно дожидаться приказанія Императора и рѣшенія своей участи, но на всю эту тревогу Наполеонъ отвѣчалъ лишь скептической улыбкой.

Онъ по-прежнему нервно ходилъ по комнатамъ,

останавливаясь возлѣ каждаго окна, и смотрѣлъ, какъ ужасный побѣдитель-огонь яростно уничтожалъ его блестящее завоеваніе, охватывая всѣ мосты, всѣ проходы въ крѣпости, окружая ее кольцомъ, и держалъ его, Наполеона, словно въ осадѣ, какъ огонь перебрасывался на ближайшіе дома и какъ, суживаясь все больше и больше, онъ оставлялъ Императору одну лишь Кремлевскую твердыню.

Мы вдыхали въ себя лишь дымъ и копоть. Наступила ночь, и ея мракъ увеличивалъ еще больше нашу опасность; вѣтеръ равноденствія, словно за одно съ русскими, все увеличивалъ свою рѣзкость. Тутъ подоспѣли король Неаполитанскій и принцъ Евгенийъ; они, вмѣстѣ съ принцемъ Невшательскимъ, проникли къ Императору и на колѣняхъ умоляли его покинуть это роковое убѣжище. Но все было напрасно.

Наполеонъ, завладѣвшій, наконецъ, дворцомъ царей, упорствовалъ, не желая уступать его даже огню, какъ вдругъ раздался крикъ: «Пожаръ въ Кремлѣ!» Крикъ этотъ переходилъ изъ устъ въ уста и вывелъ насъ изъ созерцательнаго оцѣпенѣнія, въ которое мы впали прежде. Императоръ вышелъ, чтобы взвѣсить опасность. Огонь дважды охватывалъ строеніе, въ которомъ находился Императоръ, и его дважды удавалось погасить; но башня надъ арсеналомъ все еще горѣла. Въ ней наши солдата русской полиціи. Когда его при-

вели къ Наполеону, Императоръ заставилъ разспросить его въ своемъ присутствіи. Этотъ русскій и былъ поджигателемъ; онъ исполнилъ предписаніе, замѣтивъ сигналъ, поданный начальствомъ. Итакъ, все было обречено разрушенію, даже древній священный Кремль!

Императоръ сдѣлалъ презрительное и недовольное движеніе и несчастнаго отвели въ первый дворъ, гдѣ вышедшіе изъ себя гренадеры пронзили его своими штыками.

Все это заставило Наполеона рѣшиться. Онъ послѣшно спустился по сѣверной лѣстницѣ, извѣстной по происшедшей когда-то тамъ казни стрѣльцовъ, и приказалъ вести себя за городъ по Петербургской дорогѣ въ императорскій Петровскій дворецъ, находившійся на разстояніи одного мѣ отъ Москвы.

Но насъ окружалъ цѣлый океанъ пламени: оно охватывало всѣ ворота крѣпости и мѣшало намъ выбраться изъ нея. Тогда наши послѣ долгихъ поисковъ нашли возлѣ груды камней подземный ходъ, выводившій къ Москвѣ-рѣкѣ. Черезъ этотъ узкій проходъ Наполеону съ его офицерами и гвардіей удалось выбраться изъ Кремля.

Но и этотъ выходъ не избавлялъ ихъ отъ опасности: приблизившись къ мѣсту пожара, они не могли ни отступить, ни остановиться, а разстилавшееся передъ ними огненное море не позволяло имъ продвигаться впередъ. Тѣ же

изъ нашихъ, которые раньше ходили по городу, теперь, оглушенные бурей пожара, ослѣпленные пепломъ, не узнавали мѣстности, да и кро-мѣ того сами улицы исчезли въ дыму и обра-тились въ груды развалинъ.

И, тѣмъ не менѣе, слѣдовало торопиться. Вокругъ насъ ежеминутно возросталъ ревъ пламени. Всего лишь одна улица, узкая, изви-листая и вся охваченная огнемъ, открывалась передъ нами, но и она была скорѣе входомъ въ этотъ адъ, нежели выходомъ изъ него. Импе-раторъ, пѣшій, безъ колебанія, бросился въ этотъ проходъ. Онъ шелъ среди треска ко-стровъ, грохота рушившихся сводовъ, балокъ и крышъ изъ раскаленного желѣза. Всѣ эти обломки затрудняли движеніе.

Огненные языки, съ трескомъ пожиравшіе строенія, то взвивались къ небу, то почти ка-сались нашихъ головъ. Мы подвигались по огненной землѣ подъ огненнымъ небомъ межъ двухъ огненныхъ стрѣлъ. Нестерпимый жаръ палилъ наши глаза, но намъ нельзя было да-же зажмуриться, такъ какъ опасность заста-вляла смотрѣть впередъ. Дышать этимъ раска-леннымъ воздухомъ было почти невозможно. Наши руки были опалены, потому что прихо-дилось то защищать лицо отъ огня, то отбра-сывать горячія головешки, ежеминутно падав-шія на наши одежды.

И въ то самое время, когда лишь быстро

движеніе впередъ могло быть нашимъ единственнымъ спасеніемъ,—нашъ проводникъ въ смущеніи остановился, и тутъ, казалось, долженъ былъ наступить конецъ нашей полной приключеній жизни, какъ вдругъ солдаты перваго корпуса, занимавшіеся грабежомъ, распознали Императора, посреди вихря пламени, подоспѣли на помощь и вывели его къ дымящимся развалинамъ одного квартала, который еще съ утра обратился въ пепель.

Тамъ мы встрѣтили принца Экмюля. Этотъ маршалъ, израненный при Бородинѣ, велѣлъ нести себя черезъ огонь, чтобы спасти Наполеона или погибнуть вмѣстѣ съ нимъ. Онъ восторженно бросился въ объятія Императора, который встрѣтилъ его довольно привѣтливо, но съ хладнокровіемъ, не покидавшимъ его въ минуту опасности.

Чтобы окончательно избавиться отъ всѣхъ этихъ ужасовъ, пришлось миновать еще послѣднюю опасность—пройти мимо длиннаго обоза съ порохомъ, продвигавшагося среди огня и, наконецъ, только къ ночи удалось добраться до Петровскаго дворца.

На другой день, утромъ 17 сентября, Наполеонъ первымъ дѣломъ обратилъ свои взоры на Москву, надѣясь, что пожаръ затихъ. Но пожаръ бушевалъ по-прежнему: весь городъ казался громаднымъ огненнымъ столбомъ, вздымавшимся къ небу и окрашивавшимъ его

яркимъ заревомъ. Погруженный въ созерцаніе этого страшнаго зрѣлища, онъ нарушилъ свое мрачное и продолжительное молчаніе восклицаніемъ: «Это предвѣщаетъ намъ великія бѣдствія!»

Для завоеванія Москвы онъ пожертвовалъ всѣми своими военными силами. Москва, которая была конечной цѣлью его плановъ, его надеждъ, эта Москва была разрушена! Что оставалось дѣлать? И тутъ даже его рѣшительный геній заколебался.

Вдругъ онъ объявилъ о выступленіи къ Петербургу. Завоеваніе этого города уже было намѣчено на его военныхъ картахъ, дотолѣ не обманывавшихъ его. Нѣкоторымъ корпусамъ уже было приказано быть наготовѣ. Но это лишь кажущееся рѣшеніе было средствомъ для того, чтобы не потерять бодрости и разсѣять уныніе, вызванное потерей Москвы. Поэтому Бертъ и особенно Бессьеру легко удалось убѣдить его въ томъ, что время года, отсутствіе провіанта и плохія дороги—все препятствовало этому трудному походу.

Тутъ же онъ узналъ, что Кутузовъ, отступавшій на востокъ, быстро повернулъ на югъ, чтобы встать между Москвой и Калугой.

Это обстоятельство тоже препятствовало походу на Петербургъ.

Итакъ, у насъ было три повода для того, чтобы напасть на разстроенную русскую ар-

мію и уничтожить ее: это было, во-первыхъ, сберець нашъ правый флангъ и сохранить за собою театръ военныхъ дѣйствій, во-вторыхъ, завладѣть Калугой и Тулой, служившими для русскихъ складомъ провіанта и оружія и, наконецъ, найти себѣ нетронутый, самый короткій и надежный путь къ отступленію черезъ Смоленскъ въ Литву.

Кто-то предложилъ вернуться въ Витебскъ къ арміи Виттгенштейна.

Наполеонъ колебался въ выборѣ. Его плѣняло лишь завоеваніе Петербурга, а все остальное казалось ему позорнымъ отступленіемъ, признаніемъ своей ошибки и, не то изъ гордости, не то изъ политическихъ соображеній, онъ отвергъ всѣ предложенные ему планы.

Отъ французской арміи, какъ и отъ Москвы, уцѣлѣла лишь одна треть. Но Императоръ и Кремль остались нетронутыми, слава Наполеона еще не померкла, и ему казалось, что два соединенныхъ великихъ имени Наполеонъ и Москва не могутъ не одержать окончательной побѣды. Итакъ, онъ рѣшился вернуться въ Кремль, къ несчастью спасенный отъ огня двумя гвардейскими батальонами.

Лагерь, черезъ который ему надо было пройти, представлялъ изъ себя страшное зрѣлище. Посреди полей, въ тонкой холодной грязи горѣли огромные костры изъ мебели краснаго дерева и позолоченныхъ оконныхъ рамъ и две-

рей. Вокругъ этихъ костровъ, подложивъ подъ ноги сырую солому, кое-какъ прикрытую досками, солдаты и офицеры, покрытые грязью и копотью, сидѣли въ креслахъ или лежали на шелковыхъ диванахъ. Около нихъ валялись кучи кашемировыхъ шалей, дорогихъ сибирскихъ мѣховъ, персидской парчи; тутъ же была серебряная посуда, съ которой нашимъ приходилось ѣсть лишь обуглившееся черное тѣсто и недожаренную кровавую конину. Все это было причудливымъ сочетаніемъ изобилія и голода, богатства и непріятности, роскоши и нищеты.

Между лагеремъ и городомъ попадались навстрѣчу толпы солдатъ, тащившихъ свою добычу или гнавшихъ передъ собой, словно вьючныхъ животныхъ, русскихъ мужиковъ, согнувшихся подъ тяжестью вещей, награбленныхъ въ ихъ же столицѣ.

Послѣ пожара узнали, что въ Москвѣ оставалось еще двадцать тысячъ жителей, незамѣченныхъ раньше въ этомъ громадномъ городѣ. Нѣсколько хорошо одѣтыхъ москвичей, мужчинъ и женщинъ, оказавшихся кунцами, вмѣстѣ съ остатками своего имущества, искали убѣжища около нашихъ костровъ. Они жили, перемѣшавшись съ нашими солдатами, пользуясь покровительствомъ нѣкоторыхъ изъ нихъ, и будучи едва терпимы и пренебрегаемы другими.

Та же участь постигла и непріятельскихъ

солдатъ въ числѣ приблизительно десяти тысячъ. Они бродили среди насъ на свободѣ, при чемъ нѣкоторые изъ нихъ были даже вооружены. Наши солдаты безъ непріязни относились къ этимъ побѣжденнымъ; имъ даже не приходило въ голову брать ихъ въ плѣнъ, потому ли, что они считали войну законченной, или по безопасности, или изъ жалости, или, наконецъ, потому, что французъ внѣ сраженія не склоненъ къ враждѣ. Они давали имъ грѣться около своихъ костровъ и даже позволяли принимать участіе въ грабежѣ. Когда безпорядокъ уменьшился или, вѣрнѣе, когда начальники превратили мародерство въ регулярную фуражировку, было замѣчено большое количество отставшихъ русскихъ. Былъ отданъ приказъ захватить ихъ, но тысячъ семь или восемь успѣли убѣжать. Вскорѣ намъ пришлось съ ними сражаться.

Вступая въ городъ, Императоръ былъ пораженъ еще болѣе страннымъ зрѣлищемъ: отъ великой Москвы оставалось лишь нѣсколько уцѣлѣвшихъ домовъ, разбросанныхъ среди развалинъ. Этотъ сраженный и сожженный колоссъ, подобно трупу, издавалъ тяжелый запахъ. Кучи пепла, да мѣстами попадавшіеся развалины стѣнъ и обломки стропиль, одни указывали на то, что здѣсь когда-то были улицы.

Въ предмѣстьяхъ попадались русскіе мужчины и женщины, покрытые обгорѣлыми одеждами.

Они, подобно призракамъ, блуждали среди развалинъ; одни изъ нихъ забирались въ сады, и, присѣвъ на корточки, ковыряли землю, надѣясь добыть себѣ какихъ-нибудь овощей, другіе отбирали у воронъ остатки падали, — трупы мертвыхъ животныхъ, брошенныхъ арміей. Немного дальше, можно было замѣтить, какъ нѣкоторые изъ нихъ влѣзали въ Москву-рѣку для того, чтобы вытащить изъ воды мѣшки съ зерномъ, брошенные туда по приказанію Ростопчина, и пожирали сырымъ, это прокисшее и испортившееся зерно.

Императоръ видѣлъ свою армію, разсыпавшейся по всему городу.

Когда Наполеонъ возвращался въ Кремль, ему загоразивали дорогу длинныя вереницы мародеровъ, шедшихъ на поиски за добычей или возвращавшихся съ грабежа, беспорядочныя группы солдатъ, шумно толпившихся около входовъ въ подвалы, около дворцовъ, лавокъ и церквей, которымъ угрожалъ огонь и двери которыхъ они пытались взломать.

Движеніе Императора затруднялось встрѣчавшимися на пути обломками разнообразной мебели, которую выбрасывали изъ оконъ, чтобы спасти ее отъ пожара, прочей богатой добычей, которую по прихоти бросали грабители, жадно хватаясь за другіе предметы, ибо таковы солдаты: они безпрестанно стремятся къ обогащенію и, забирая все безъ разбору, перегру-

жаются сверхъ мѣры, думая все унести, а затѣмъ, пройдя нѣсколько шаговъ, изнемогая отъ усталости, сбрасываютъ большую часть своей ноши, загоразживая такимъ образомъ всѣ проходы.

Площади и лагери обратились въ рынки, гдѣ каждый старался промѣнять лишнее на необходимое. Тамъ рѣдчайшіе предметы роскоши, не находившіе оцѣнки у теперешнихъ владѣльцевъ, продавались по самой низкой цѣнѣ, тогда какъ иные предметы, благодаря своей обманчивой наружности, продавались много выше ихъ дѣйствительной стоимости. За золото, какъ за предметъ, наиболѣе портативный, отдавалось съ убыткомъ громадное количество серебра, котораго не могли бы вмѣстить походныя сумки.

Повсюду сидѣли солдаты на тюкахъ товаровъ возлѣ кучъ сахара и кофе, окруженные тончайшими винами, которыя они охотно промѣняли бы на кусокъ хлѣба. Многіе изъ нихъ въ припадкѣ опьяненія, усиливаемаго истощеніемъ, попадали въ пламя и гибли.

Большинство домовъ и дворцовъ, уцѣлѣвшихъ отъ пожара, служило убѣжищемъ для начальниковъ и то, что находилось въ этихъ домахъ, оставалось нетронутымъ.

Всѣ съ сокрушеніемъ смотрѣли на это великое разрушеніе и на грабежъ, естественно вытекавшій изъ него.

Упрекали нѣкоторыхъ изъ нашихъ лучшихъ людей въ томъ, что они слишкомъ тщательно собирали то, что удалось спасти отъ пламени, но такихъ было настолько мало, что ихъ имена были на счету. Война для этихъ пылкихъ людей являлась страстью, которая заставляла предполагать въ нихъ и другія порочныя наклонности, но грабежъ не вызывался въ нихъ корыстолюбіемъ: они ничего не копили, а лишь пользовались тѣмъ, что попадалось подъ руку, брали, чтобы отдавать, щедро расточая прибрѣтенное и думая, что перенесенными опасностями они заплатили за все.

При такомъ-то безпорядкѣ Наполеонъ вернулся въ Москву. Онъ предоставилъ своей арміи заниматься грабежомъ, надѣясь, что поиски солдатъ, разсѣявшихся по этимъ развалинамъ, не окажутся безплодными. Но когда онъ узналъ, что безпорядки возрастаютъ и въ нихъ вовлечена даже старая гвардія, что у русскихъ крестьянъ, наконецъ, согласившихся привозить хлѣбные припасы, которые онъ приказалъ щедро оплачивать, дабы привлечь къ этому и другихъ, что у этихъ крестьянъ наши голодные солдаты отбирали провіантъ, и когда до его свѣдѣнія дошло то, что нѣкоторые корюса, терпя всевозможную нужду, были готовы съ оружіемъ въ рукахъ оспаривать другъ у друга остатки Москвы, что, наконецъ, и послѣдніе источники существованія изсякли,

благодаря этому беспорядочному грабежу, — онъ отдалъ строжайшее приказаніе гвардіи не покидать казармъ. Въ церквахъ, въ которыхъ расположились наши кавалеристы, было возстановлено греческое богослуженіе. Былъ установленъ очередной порядокъ мародерства, которое, подобно другимъ служебнымъ обязанностямъ, было распределено между различными корпусами, и, наконецъ, занялись собираніемъ русскихъ бѣглецовъ.

Но было слишкомъ поздно. Русскіе военные разбѣжались; напуганные крестьяне больше не показывались; много съѣстныхъ припасовъ было попорчено. Французской арміи случалось иногда впадать въ такое заблужденіе; но въ данномъ случаѣ пожаръ служилъ ей оправданіемъ — французы были поставлены въ необходимость предупредить разрушительное дѣйствіе огня. И замѣчательно то, что при первомъ же приказаніи былъ возстановленъ прежній порядокъ.

Кутузовъ, покидая Москву, заманилъ Мюрата къ Коломнѣ вплоть до того мѣста, гдѣ Москва-рѣка пересѣкаетъ дорогу. И тамъ подъ прикрытіемъ ночи русскій полководецъ неожиданно повернулъ къ югу для того, чтобы, миновавъ Подольскъ, стать между Москвой и Коломной.

Это ночное шествіе русскихъ вблизи Москвы, откуда рѣзкій вѣтеръ доносилъ до нихъ пепель

и пламя, носило характеръ мрачной религіозной процессіи. Они двигались при жуткомъ освѣщеніи пожара, пожиравшаго центръ ихъ промышленности, сокровищницу ихъ религіи, колыбель ихъ государства. Всѣ они были охвачены ужасомъ и негодованіемъ и хранили унылое молчаніе, нарушаемое глухимъ и однообразнымъ шумомъ ихъ шаговъ, трескомъ пламени и свистомъ бури. Нерѣдко полумракъ нарушался яркими и неожиданными вспышками и тогда можно было видѣть лица этихъ воиновъ, искаженные дикой болью, мрачный и угрожающій блескъ ихъ глазъ, эти огненные взгляды, которые они бросали на пламя пожара, считая его дѣломъ нашихъ рукъ. Они уже обнаружили ту жестокую мстительность, которая нарастала въ ихъ сердцахъ и, распространившись до всему государству, была причиной гибели столькихъ французовъ.

Въ этотъ торжественный моментъ Кутузовъ голосомъ, полнымъ твердости и благородства, доложилъ своему государю о потерѣ столицы. Онъ заявилъ, что для сохраненія плодородныхъ южныхъ губерній и для того, чтобы не терять сообщенія съ Тормасовымъ и Чичаговымъ, онъ принужденъ былъ покинуть Москву, покинутую жителями, ибо повсюду лишь народъ составляетъ душу государства, а гдѣ русскій народъ—тамъ Москва, тамъ вся Россія!

Тѣмъ не менѣе, удрученный горемъ, онъ при-

зналъ, что эта рана глубока и неизгладима, но потомъ опять воспрянулъ духомъ и сказалъ, что потеря Москвы есть потеря лишь одного города имперіи, частичная жертва для спасенія всей страны. Кутузовъ добавилъ, что, расположившись по всей линіи противъ непріятели, онъ своими отрядами загораживаетъ ему путь и такимъ образомъ, имѣя возможность слѣдить за всѣми движеніями французовъ и препятствуя имъ получать провіантъ, онъ въ то же самое время пополняетъ свою армію, и прибавилъ, что «16 сентября Наполеонъ будетъ принужденъ покинуть на свое горе завоеванную Москву!»

Говорятъ, что Александръ былъ пораженъ этимъ извѣстіемъ.

Наполеонъ надѣялся на податливость своего противника, и сами русскіе боялись того же. Но царь обманулъ надежды однихъ и разсѣялъ опасенія другихъ. Въ своихъ рѣчахъ онъ выказалъ величіе, равное своему горю, достойное своего несчастья. Обращаясь къ своему народу, онъ восклицалъ: «Не нужно ребяческаго унынія! Поклянемся удвоить мужество и настойчивость! Непритель въ опустѣлой Москвѣ, какъ въ могилѣ, и не только не имѣетъ силы властвовать, но лишень средствъ къ существованію! Вступивъ въ Россію съ тремястами тысячъ людей всѣхъ народностей, не соединенныхъ ни національнымъ, ни религіознымъ един-

ствомъ, онъ потерялъ больше половины изъ нихъ, благодаря битвамъ, голоду и дезертирству; въ Москвѣ онъ нашель лишь однѣ развалины; онъ проникъ въ центръ Россіи; но ни одинъ изъ русскихъ не покорился ему! А между тѣмъ наши силы возрастають и окружають непріятели, который очутился среди могущественнаго народа, оцѣпляемый и подстерегаемый войсками. Скоро придется ему, спасаясь отъ голода, бѣжать черезъ сомкнутые ряды нашихъ безстрашныхъ солдатъ.

Неужели же мы отступимъ, когда ободряющіе взоры всей Европы устремлены на насъ? Покажемъ ей примѣръ и склонимся передъ десницей, избравшей насъ изъ всѣхъ народовъ на защиту добродѣтели и свободы!» Онъ закончилъ воззваніемъ къ Всемогущему.

Русскіе различно толкуютъ о своемъ полководцѣ и своемъ Императорѣ. Мы же, какъ враги, можемъ судить о нашихъ врагахъ лишь по ихъ дѣйствіямъ. Каковы бы ни были ихъ слова, но они согласовались съ поступками. Товарищи, воздадимъ имъ должное! Они все принесли въ жертву безъ колебаній, безъ позднихъ сожалѣній. Впослѣдствіи они ничего не потребовали въ отплату даже посреди вражеской столицы, которой они не тронули! Ихъ доброе имя сохранилось во всемъ величій и чистотѣ, они познали истинную славу, Когда во всѣ слои ихъ общества проникнетъ цивилизація, этотъ

великій народъ создасть великую эпоху и овладѣть скипетромъ славы, которому должно быть суждено переходить отъ одной націи къ другой.

Кутузовъ велъ свою армію извилистымъ путемъ; происходило ли это отъ его перѣшительности или отъ хитрости, но во всякомъ случаѣ онъ добился своего. Мюратъ въ теченіе трехъ дней тщетно пытался отыскать его слѣды. Русскій полководецъ воспользовался этимъ обстоятельствомъ, чтобы изучить мѣстность и укрѣпиться. Его авангардъ направился къ Воронову, одному изъ лучшихъ помѣстій графа Ростовчина, и по дорогѣ встрѣтилъ самого графа, который ихъ опередилъ. Русскіе думали, что этотъ сановникъ хочетъ послѣдній разъ взглянуть на свою вотчину, какъ вдругъ на ихъ глазахъ постройки исчезли въ клубахъ дыма.

Русскіе бросились тушить пожаръ, но Ростовчинъ самъ удержалъ ихъ. Они видѣли его среди пламени, имъ самимъ зажженного, улыбаващагося при видѣ разрушенія своего великолѣннаго жилища! Затѣмъ графъ твердой рукой начерталъ тѣ слова, которыя позже съ жуткой дрожью прочли французы на желѣзной двери церкви, уцѣлѣвшей отъ пожара: «Я въ теченіе восьми лѣтъ украшалъ эту усадьбу и жилъ въ ней счастливо на лонѣ моей семьи. Здѣшніе жители въ числѣ тысячи семисотъ двадцати человекъ покинули ее при нашемъ

приближеніи, а я предаю огню свой домъ, чтобы вы не осквернили его своимъ присутвіемъ! Французы! Я предоставилъ вамъ въ Москвѣ два моихъ дома, обстановка которыхъ стоила полмилліона рублей, но здѣсь вы найдете лишь одинъ пепель!»

Недалеко отъ этого мѣста Мюратъ нагналъ Кутузова. 29-го сентября произошла жестокая схватка кавалеріи возлѣ Чирикова. Эта схватка плохо бы кончилась для насъ, если бы не подоспѣлъ Понятовскій, имѣвшій въ своемъ распоряженіи всего три тысячи поляковъ. Этотъ князь при помощи генераловъ Пасковскаго и Княжевича отважно вступилъ въ бой съ двадцатью тысячами русскихъ. Благодаря его удобной диспозиціи и стойкости поляковъ, нашимъ удалось въ теченіе нѣсколькихъ часовъ задержать Милорадовича. Благодаря доходившей до самоотверженія смѣлости польскаго князя, былъ отраженъ самый упорный натискъ русскаго генерала. Въ тотъ критическій моментъ Понятовскій во главѣ всего лишь сорока кавалеристовъ и къ тому же случайно невооруженныхъ съ нагайками въ рукахъ набросился на атакующую непріятельскую колонну и изумленные русскіе были отброшены въ беспорядкѣ, а наступившая ночь помогла намъ удержать побѣду за собой!

Тѣмъ временемъ пожаръ, начавшійся въ ночь съ 14 на 15 сентября, приостановленный наши-

ми усиліями въ теченіе дня 15-го сентября, въ слѣдующую ночь вспыхнулъ снова и, достигнувъ величайшей силы 16, 17 и 18, сталъ утихать 19. 20-го онъ прекратился. Въ этотъ же день Наполеонъ, котораго передъ тѣмъ огонь выселилъ изъ Кремля, обратно вернулся въ царскій дворецъ. Тамъ онъ притягивалъ къ себѣ взоры Европы. Тамъ онъ ожидалъ свои обозы, подкрѣпленія и отставшую часть арміи, будучи увѣренъ, что его побѣда, богатая добыча, изумительное зрѣлище плѣненной Москвы, а главнымъ образомъ онъ самъ, слава котораго подобно маяку сверкала съ высоты этихъ развалинъ—все это объединить его приверженцевъ. Тѣмъ не менѣе два раза, 22 и 28 сентября, получивъ письмо отъ Мюрата, преслѣдовавшаго Кутузова и настигнувшаго его около Чирикова, Наполеонъ, казалось, былъ готовъ покинуть свою унылую резиденцію. Эти письма оповѣщали о битвѣ; два раза указы Императора о выступленіи, уже написанные, были сжигаемы. Казалось, что для Наполеона война была закончена и онъ лишь ожидалъ отвѣта изъ Петербурга. Онъ поддерживалъ свою надежду воспоминаніями о Тильзитѣ и Эрфуртѣ. Неужели, очутившись въ Москвѣ, онъ не пріобрѣлъ больше вліянія на Александра? Кромѣ того, какъ всѣ люди, пользовавшіеся должимъ счастьемъ, онъ надѣялся на то, чего желалъ.

Его гений обладалъ способностью по желанію отбрасывать тревожныя мысли, чтобы думать о другомъ или просто, чтобы отдохнуть, такъ какъ воля у Наполеона была сильнѣе воображенія. Благодаря этому, онъ властвовалъ надъ собой, такъ же какъ и надъ другими.

Прошло уже одиннадцать дней, молчаніе Александра длилось по-прежнему, но Наполеонъ все еще надѣялся превзойти своего противника въ упрямствѣ; такимъ образомъ онъ терялъ время, которымъ надо было пользоваться, и которое всегда помогаетъ обороняющимся отражать нападающихъ.

Съ тѣхъ поръ всѣ поступки Наполеона показывали русскимъ, что ихъ могущественный врагъ хочетъ утвердиться въ сердцѣ ихъ страны, подобно тому какъ онъ хотѣлъ это сдѣлать въ Витебскѣ, но на этотъ разъ его намѣренія казались болѣе рѣшительными. Въ испепеленной Москвѣ назначается интендантъ и утверждается муниципалитетъ. Было отдано приказаніе заготовить провіантъ на всю зиму. Среди развалинъ выросъ театръ, куда, какъ говорятъ, приглашали лучшихъ актеровъ Парижа. Одинъ итальянскій пѣвецъ дѣлалъ всѣ попытки для того, чтобы возсоздать въ Кремлѣ вечера Тюильри. Такимъ путемъ Наполеонъ предполагалъ обмануть русское правительство, которое само привыкло властвовать, пользуясь

заблужденіями и невѣжествомъ народа, и издавна пріучилось понимать всякій обманъ.

Онъ самъ чувствовалъ непригодность всѣхъ этихъ пріемовъ, а время шло, сентябрь кончился, наступилъ октябрь. Александръ не удостоилъ отвѣтомъ! Какое оскорбленіе! Наполеонъ негодовалъ. 3 октября послѣ тревожной ночи и припадковъ гнѣва онъ призвалъ своихъ маршаловъ. При видѣ ихъ, онъ воскликнулъ: «Войдите! Выслушайте новое только что принятое мною рѣшеніе; принцъ Евгений, читайте!» Маршалы услышали слѣдующее: «Надо сжечь остатки Москвы, идти черезъ Тверь на Петербургъ, къ намъ присоединится Македональдъ! Мюратъ и Даву составятъ арьергардъ!» И оживившійся Императоръ устремилъ сверкающій взоръ на своихъ генераловъ, холодно молчаливыя фізіономіи которыхъ ничего не выражали, кромѣ удивленія.

Затѣмъ воодушевившись, чтобъ воодушевить другихъ, онъ прибавилъ: «Какъ, и васъ не воспаляетъ подобная мысль! Былъ ли когда-нибудь совершенъ кѣмъ подобный военный подвигъ? Теперь лишь только это завоеваніе можетъ быть достойно насъ! Подумайте, какой славой покроемъ мы себя и что скажетъ весь міръ, когда онъ узнаетъ, что въ теченіе трехъ мѣсяцевъ мы покорили двѣ великихъ сѣверныхъ столицы?»

Но Даву, какъ и Дарю, въ своихъ возраже-

ніяхъ напомнили о времени года, голодѣ и объ опустошенной дорогѣ.

Эти военачальники въ послѣдствіи увѣряли, что они предлагали тогда различные планы, но все было бесполезно для государя, геній котораго предвосхищаль воображеніе всѣхъ другихъ и котораго не могли бы остановить ничьи доводы, если бы онъ дѣйствительно собирался въ Петербургъ. Но это намѣреніе было вызвано въ немъ лишь вспышкой гнѣва, внушено ему отчаяніемъ въ то время, когда ему приходилось на глазахъ всей Европы, покорившись неизбежности, покинуть завоеванное и отступить ни съ чѣмъ.

Задуманный имъ походъ являлся лишь угрозой какъ для французовъ, такъ и для русскихъ, которыхъ онъ хотѣлъ вызвать на переговоры, поручивъ вести ихъ Колэнкуру. Этотъ величественный офицеръ прежде правился Александру: онъ былъ единственнымъ человѣкомъ изъ всѣхъ придворныхъ Наполеона, который могъ бы имѣть какое-нибудь вліяніе на русскаго царя; но въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ Колэнкуръ былъ отдаленъ Наполеономъ за то, что не хотѣлъ одобрить похода на Петербургъ.

И тѣмъ не менѣе въ этотъ день Императоръ былъ принужденъ обратиться именно къ нему. Онъ приказалъ позвать его, но, оставшись наединѣ съ нимъ, почувствовалъ смущеніе. Импе-

раторъ долго ходилъ взадъ и впередъ по комнатѣ, Колэнкуръ слѣдовалъ за нимъ; но гордость мѣшала Наполеону нарушить тяжелое и неловкое молчаніе. Наконецъ онъ заговорилъ, но угрожающимъ тономъ. Онъ приказалъ Колэнкуру склонить русскихъ къ миру, но тотъ долженъ былъ сдѣлать такъ, чтобы эта просьба исходила отъ нихъ самихъ, а Наполеонъ лишь соблагОВОлилъ бы принять ихъ предложеніе.

Послѣ нѣсколькихъ безсвязныхъ словъ онъ заявилъ: «Я предпринимаю походъ на Петербургъ. Я знаю, что разрушеніе этого города огорчитъ васъ. Тогда Россія возстанетъ противъ Императора Александра, будетъ составленъ заговоръ противъ этого монарха; его казнятъ и это будетъ большимъ несчастьемъ. Я, уважая этого государя, буду сожалѣть не только о немъ, но о Франціи, для которой смерть Александра будетъ большой потерей, такъ какъ его характеръ, прибавилъ Наполеонъ, соотвѣтствуетъ нашимъ интересамъ и никакой другой государь не сможетъ его замѣнить для насъ. И я хочу послать васъ въ Петербургъ, чтобы предупредить эту катастрофу».

Но герцогъ Виченскій, склонный болѣе къ настойчивости, нежели къ лести, не уступалъ! «Эти переговоры будутъ бесполезны, ибо до тѣхъ поръ, пока вся русская земля не очистится отъ непріятеля, Александръ не вы-

слушаетъ ни одного предложенія. Въ данное время года Россія чувствуетъ, что все благопріятствуетъ ей, да и кромѣ того эта попытка повредить намъ, доказавъ, насколько мы нуждаемся въ мирѣ, и обнаружить всю безвыходность нашего положенія!»

Онъ еще прибавилъ, что чѣмъ замѣтнѣе будетъ посредникъ, тѣмъ замѣтнѣе будетъ наша тревога и такимъ образомъ ему повезеть меньше, чѣмъ всякому другому, тѣмъ болѣе, что онъ долженъ будетъ ѣхать, заранѣе предчувствуя неудачу. Императоръ рѣзко оборвалъ этотъ разговоръ слѣдующими словами: «Ну что же, я пошлю Лористона!»

Этотъ послѣдній увѣрялъ, что и онъ со своей стороны указывалъ на препятствія и что, будучи вызванъ на откровенность самимъ Императоромъ, онъ далъ совѣтъ въ тотъ же день начать отступать, направляясь къ Калугѣ.

Раздраженный Наполеонъ съ горечью возразилъ ему, что онъ любитъ лишь самые незатѣйливые несложные планы, предпочитаетъ дороги лишь прямыя и широкія, въ родѣ той, по которой онъ пришелъ и по которой сможетъ вернуться только послѣ заключенія мира.

Затѣмъ, показывая Лористону, какъ и герцогу Виченскому, письмо, написанное имъ Александру, онъ приказалъ ему пойти добиться у Кутузова пропуска въ Петербургъ. Въ заклю-

ченіе Императоръ сказалъ Лористону: «Я хочу мира, мнѣ нуженъ миръ, нуженъ во что бы то ни стало, спасайте только честь!»

Этотъ генераль уѣхаль и 5-го октября достигъ русскихъ аванпостовъ. Война тотчасъ же была приостановлена; свиданіе разрѣшено, но Кутузова тамъ не было, а были лишь Волконскій, адъютантъ Императора, и Бенигсенъ. Вильсонъ увѣряетъ, что русскіе генералы и офицеры, не надѣясь на своего полководца и обвиняя его въ слабости, испугались возможности измѣны и потому этотъ послѣдній не осмѣлился даже показаться въ лагерь.

Лористону были даны инструкціи, по которымъ онъ не долженъ былъ обращаться ни къ кому, кромѣ Кутузова. Поэтому онъ высокомерно отвергъ посредничество со стороны другихъ русскихъ генераловъ. Судя по его словамъ, онъ хотѣлъ воспользоваться этимъ случаемъ, чтобы окончательно порвать всякіе переговоры, такъ какъ онъ имъ не сочувствовалъ и, несмотря на настоянія Волконскаго, вернуться обратно въ Москву. Тогда бы безъ сомнѣнія раздосадованный Наполеонъ бросился на Кутузова, разбилъ и уничтожилъ бы его не сформированную на-ново армію и заставилъ бы его согласиться на миръ. Въ случаѣ, если бы успѣхъ былъ менѣе рѣшителенъ, то Наполеону по крайней мѣрѣ удалось бы, отступивъ, безопасно соединиться со своими резервами.

Къ несчастію, Бенигсенъ поторопился устроить себѣ свиданіе съ Мюратомъ. Лористонъ сталъ дожидаться. Начальникъ русскаго штаба, болѣе ловкій въ дипломатіи, чѣмъ въ стратегіи, употребилъ всѣ усилія, чтобы очаровать этого новаго короля почтительнымъ обхожденіемъ, соблазнивъ его похвалами, введя его въ заблужденіе кроткими словами, въ которыхъ умышленно проглядывали усталость отъ войны и надежда на миръ. Мюратъ, почувствовавшій въ концѣ концовъ утомленіе отъ сраженій, исполненный безпокойства за исходъ войны, и, какъ говорятъ, стосковавшійся о своемъ тронѣ съ того момента, какъ онъ потерялъ надежду получить другой, лучшій,—поддался очарованію, соблазну и обману.

Бенигсену удалось одновременно уговорить Кутузова и Мюрата: онъ успѣшилъ послать за Лористономъ и проводить его въ русскій лагерь, гдѣ въ полночь Кутузовъ ожидалъ его. Свиданіе началось неудачно, такъ какъ Коновницынъ и Волконскій захотѣли присутствовать на немъ, а это оскорбило французскаго генерала и онъ потребовалъ ихъ удаленія; его просьба была удовлетворена.

Какъ только Лористонъ остался наединѣ съ Кутузовымъ, французскій генераль изложилъ ему причины и цѣль своего пріѣзда и просилъ пропуска въ Петербургъ. Русскій генераль отвѣчалъ, что исполненіе этой просьбы не въ

его власти, но тотчасъ же предложилъ передать письмо Наполеона Александру черезъ Волконскаго, заключивъ перемиріе до возвращенія этого послѣдняго. Онъ сопровождалъ свои слова мирными увѣреніями, которыя затѣмъ были подтверждены всѣми генералами.

Вскорѣ обнаружилось, что русскіе сговорились обмануть Мюрата и его Императора и это имъ удалось. Всѣ эти подробности преисполнили Наполеона радостью. Надежда или отчаяніе сдѣлали его довѣрчивымъ, и на нѣсколько минутъ онъ охъятился этимъ извѣстіемъ и, стремясь заглушить подавляющее его тяжелое внутреннее чувство, онъ хотѣлъ забыться, отдавшись радостному порыву. Онъ призвалъ всѣхъ генераловъ и торжественно объявилъ имъ о предстоящемъ мирѣ.

Тѣмъ не менѣе перемиріе, предложенное Кутузовымъ, ему не понравилось: онъ приказалъ Мюрату тотчасъ же нарушить его, но это не было исполнено и неизвѣстно почему.

Это было странное перемиріе. Чтобы нарушить его, было достаточно предупрежденія съ обѣихъ сторонъ за два часа до возобновленія военныхъ дѣйствій. Кромѣ того это перемиріе касалось только фронта обѣихъ армій и не распространялось на ихъ фланги; такъ по крайней мѣрѣ истолковывали его русскіе. Мы не могли провести безъ боя ни фуража, ни обозовъ, такъ что война продолжалась повсю-

ду, кромѣ тѣхъ мѣсть, гдѣ бы это было для насъ выгодно.

Въ первые дни перемирія Мюратъ забавлялся тѣмъ, что появлялся на непріятельскихъ аванпостахъ. Его тѣшили обращенные на него со всѣхъ сторонъ взгляды, привлекаемые его цвѣтушимъ видомъ, храбростью и королевскимъ званіемъ.

Русскіе военачальники поощряли его къ этому: они оказывали ему всевозможные знаки почтенія, чтобы поддержать его иллюзіи. Они даже позволяли ему отдавать приказанія русскимъ карауламъ такъ же, какъ и французскимъ. Если какой-нибудь участокъ земли, на которомъ были расположены русскіе, нравился Мюрату—ему уступали.

Казацкіе командиры доходили до такого притворнаго энтузіазма, что говорили, будто они признають только того Императора, который царствуетъ въ Москвѣ. Мюратъ на минуту повѣрилъ, что они больше не будутъ сражаться противъ него.

Онъ пошелъ дальше: однажды Наполеонъ, читая его письма, воскликнулъ: «Мюратъ, король казаковъ! Какое безуміе!» Людямъ, которые подверглись въ жизни всевозможнымъ перемѣнамъ, приходили въ голову самыя невѣроятныя мысли.

Что же касается Императора, который ни-

когда не заблуждался, то онъ лишь на нѣсколь-
ко мгновеній отдался обманчивой радости.

И на самомъ дѣлѣ два значительныхъ обо-
заны попали въ руки непріятели: одинъ по не-
брежности своего начальника, потомъ отъ от-
чаянія покончившаго съ собой, другой, бла-
годаря подлости офицера, котораго хотѣли пре-
дать суду; но въ то время началось отсту-
пленіе и гибель арміи спасла его.

Каждое утро нашимъ солдатамъ и особенно
кавалеристамъ приходилось отправляться да-
леко на поиски за пропитаніемъ, чтобы за-
насти его на вечеръ и на утро слѣдующаго
дня, а такъ какъ окрестности Москвы и Вин-
кова опустошались все больше и больше, то
эти экскурсіи становились все отдаленнѣе.
Люди и лошади возвращались истощенными,
да и не всѣ возвращались, потому что каждая
мѣра ржи, каждая охалка сѣна доставались
съ бою — приходилось отнимать ихъ у не-
пріятели.

Насъ повсюду встрѣчали неожиданности, бит-
вы, безпрестанныя потери! Къ русскимъ сол-
датамъ присоединялись крестьяне; они преда-
вали смерти тѣхъ среди себя, которые, соблаз-
нившись высокой платой, доставляли въ нашъ
лагерь кое-какіе припасы. Нѣкоторые изъ нихъ
зажигали свои собственныя деревни, чтобы вы-
гнать оттуда нашихъ фуражировъ и предать

ихъ въ руки заранѣе предупрежденныхъ и скрывавшихся въ засадѣ казаковъ.

Крестьяне же захватили Верею, городъ, расположенный около Москвы. Одинъ изъ русскихъ священниковъ самъ, какъ говорятъ, задумалъ и выполнилъ этотъ рѣшительный планъ.

Онъ вооружилъ жителей, получилъ нѣсколько отрядовъ отъ Кутузова, затѣмъ 10 октября еще до разсвѣта онъ съ одной стороны подаль сигналъ къ фальшивой атакѣ, а съ другой самъ бросился на наши укрѣпленія. Разрушивъ ихъ, онъ проникъ въ городъ и велѣлъ перерѣзать весь гарнизонъ.

Такимъ образомъ, война была повсюду: впереди насъ, позади и на флангахъ; наша армія ослабѣвала, непріятель съ каждымъ днемъ становился все изобрѣтательнѣе. И это наше завоеваніе постигла та же судьба, какъ и другія: все, что было захвачено сразу, утратилось постепенно.

Самъ Мюратъ забезпокоился, наконецъ. Онъ увидалъ, что въ ежедневныхъ стычкахъ раяла половина оставшейся у него кавалерія. На аванпостахъ при встрѣчахъ нашихъ съ русскими офицерами, эти послѣдніе оттого ли, что они устали отъ войны или движимые тщеславіемъ, а можетъ быть военной откровенностью, доходившей до нескромности, выражали сожалѣніе по поводу угрожавшихъ намъ несчастій. Они показывали намъ еще почти дикихъ, едва

цы хотять защищать его!» Неизвѣстно, о чемъ думаль онъ въ своемъ критическомъ положеніи, но всѣ знали, что онъ склоненъ къ всевозможнымъ предчувствіямъ.

Его ежедневныя прогулки подъ сверкающимъ солнцемъ, когда онъ пытался снова увидѣть звѣзду своего счастья и показать ее другимъ, эти прогулки не развлекали его. Къ печальному безмолвію Москвы присоединялось безмолвіе ея пустынныхъ окрестностей и угрожающее молчаніе Александра.

Слабый звукъ шаговъ нашихъ солдатъ не могъ вывести изъ задумчивости нашего Императора, не могъ разсѣять его ужасныхъ воспоминаній, его еще болѣе ужасной прозорливости.

Его ночи были особенно томительны, большую часть ихъ онъ проводилъ съ графомъ Дарю. Только тутъ онъ признавался въ опасности своего положенія.

Воздавая должное той силѣ, которую онъ приобрѣлъ, благодаря своей постоянной безошибочности, онъ съ содроганіемъ говорилъ о первомъ ударѣ, нанесенномъ ей: «Какія ужасныя, разрушительныя войны послѣдуютъ за моимъ первымъ отступленіемъ! Поэтому не слѣдуетъ осуждать моего бездѣйствія. Да что жъ, развѣ я не знаю, что Москва не имѣетъ никакого военнаго значенія? Но Москва для меня и не является военной позиціей, это—политическое завоеваніе. Всѣ принимаютъ здѣсь меня

за генерала, тогда какъ я 'здѣсь—Императоръ!» Затѣмъ онъ воскликнулъ: «Въ политикѣ никогда не слѣдуетъ возвращаться назадъ; нужно во что бы то ни стало удерживаться отъ признанія въ собственной ошибкѣ; это—подрываетъ достоинство и если придется ошибиться, то нужно идти впередъ до тѣхъ поръ, пока не удастся убѣдить другихъ въ своей правотѣ».

Поэтому онъ упорствовалъ съ той настойчивостью, которая всегда была его главнымъ качествомъ, а въ данномъ случаѣ его главнымъ недостаткомъ.

Тѣмъ временемъ терзанія его возростали; онъ зналъ, что чечего рассчитывать на прусскую армію. Тонъ увѣдомленія, адресованнаго на имя Бертье, заставилъ Наполеона потерять всякую надежду на поддержку австрійской арміи. Кутузовъ водилъ его за носъ, онъ это чувствовалъ, но онъ зашелъ такъ далеко, что ни движеніе впередъ, ни бездѣйствіе, ни отступление, ни битвы—ничъ не доставило бы ему почестей и успѣха. Такимъ образомъ, толкаемый изъ стороны въ сторону превратностью обстоятельствъ, мѣшавшихъ исполненію его намѣреній, онъ продолжалъ осѣваться на этомъ пожарищѣ, почти потерявъ свои надежды, но не утративъ своихъ стремленій. Письмо, переданное Лористономъ, должно было быть отправлено 6-го октября, отвѣтъ мѣсяцъ прибыть не ранѣе 20 и, несмотря на многочисленныя

зловѣщіе признаки, гордость, политическія соображенія и, можетъ быть, состояніе здоровья заставили Наполеона избрать самый опасный выходъ—ждать отвѣта, довѣрившись времени, которое его убивало. Дарю, какъ и другіе офицеры, удивлялся, не находя у Императора прежней стремительной рѣшимости, которую онъ проявлялъ при самыхъ затруднительныхъ обстоятельствахъ; они говорили, что его геній утратилъ свою гибкость, и негодовали на его природную настойчивость, которая, послуживъ причиной его возвышенія, подготовитъ и его гибель.

Съ его характеромъ, всегда неуклонно стремившимся къ исполненію задуманной цѣли, было невозможно отказаться отъ рѣшенія, принятаго имъ еще въ Витебскѣ, несмотря на то, что теперешнія критическія обстоятельства войны усложнились небывалыми политическими затрудненіями.

Настроеніе арміи благоприятствовало его намѣренію. Большинство офицеровъ продолжало вѣрить въ него, а простые солдаты, видѣвшіе всю жизнь въ настоящей минутѣ и нисколько не беспокоившіеся о будущемъ, такъ какъ не возлагали на него большихъ надеждъ, сохраняли свою безечность—это драгоцѣннѣйшее изъ солдатскихъ качествъ. Да и, по правдѣ говоря, награды, раздаваемые Императоромъ на ежедневныя смотрахъ, принимались съ серьез-

ной торжественностью, не лишенной нѣкото-
рой грусти: эти милости были зловѣщи, ка-
ждое повышеніе при назначеніи на освободи-
вающую вакансію напоминало о пролитой кро-
ви. Кромѣ того уже многіе изъ солдатъ, еще
начиная съ Вильны, побросали свои зимнія
одежды, чтобы нагрузиться съѣстными припа-
сами, обувь ихъ истребалась въ пути, остатки
ихъ платья изорвались въ битвахъ и, несмотря
на все это, они сохраняли свое прежнее до-
стоинство. Они заботливо скрывали отъ Импе-
ратора свои лохмотья, украшаясь хорошо вычи-
щеннымъ сверкающимъ оружіемъ. На дворѣ кре-
млевскаго дворца на разстояніи восьмисотъ лѣ
отъ обозовъ, послѣ столькихъ сраженій и дол-
гой походной жизни, они все еще хотѣли ка-
заться опрятными, бодрыми и блестящими; въ
этомъ честь солдата; и чѣмъ труднѣе это до-
стигалось, тѣмъ больше придавали этому зна-
ченія, потому что человекъ всегда гордится
тѣмъ, что стоитъ ему наибольшихъ усилій.

Императоръ охотно предавался этому обма-
ну, хватаясь за все, чтобы не потерять на-
дежды. Вдругъ выпалъ первый снѣгъ и вмѣ-
стѣ съ нимъ исчезли всѣ тѣ надежды, которы-
ми онъ старался оградить себя. Съ этихъ поръ
онъ не о чемъ не думалъ, кромѣ отступленія,
но въ то же самое время онъ никогда не про-
износилъ этого слова и никто не могъ добиться
отъ него опредѣленнаго распоряженія по это-

му поводу. Онъ сказалъ только, что необходимо, чтобы черезъ двадцать дней армія была въ зимнихъ квартирахъ, и торопиль отъѣздъ нашихъ раненыхъ. Но тогда, какъ и въ другихъ случаяхъ, гордость мѣшала ему согласиться на добровольный отказъ отъ чего-нибудь: у насъ не хватало лошадей для артиллерійскихъ орудій, которыхъ теперь было слишкомъ много для нашей уменьшившейся арміи, но до этого ему не было дѣла и, раздраженный, отвѣчая на предложеніе оставить хоть часть орудій въ Москвѣ, говорилъ: «Нѣтъ! непріятель воспользуется ими, какъ трофеемъ!»—требовалъ, чтобы все слѣдовало за нимъ.

Въ этой опустошенной странѣ онъ приказалъ произвести покунку двадцати тысячъ лошадей, онъ велѣлъ заготовить фуражемъ на два мѣсяца и добыть его на тѣхъ мѣстахъ, гдѣ при самыхъ отдаленныхъ и опасныхъ экскурсіяхъ не удавалось найти пропитанія даже на одинъ день. Нѣкоторые изъ его приближенныхъ удивлялись, выслушивая такія неисполнимыя приказанія, но уже приходилось видѣть не разъ, что онъ прибѣгалъ къ такимъ приемамъ, чтобы при помощи ихъ обмануть непріятеля, а чаще всего дать почувствовать своимъ всю значительность нужды и необходимость удовлетворять ей.

Впрочемъ, Наполеонъ еще не рѣшилъ окончательно—оставаться или уходить. Побѣжден-

ый въ своей настойчивости настойчивостью Александра, онъ со дня на день откладывалъ необходимость признаться въ своемъ поражениі. Среди этой ужасной борьбы людей и стихій, разгоравшихся вокругъ него, его министры и адъютанты видѣли его занятымъ въ теченіе этихъ послѣднихъ дней обсужденіемъ достоинствъ нѣсколькихъ новыхъ, только что присланныхъ стихотвореній или выработкой устава Парижской *Comédie française*, которой онъ посвятилъ три вечера. Приближенные, зная все его душевное безпокойство, восхищались силой его генія и той ловкостью, съ которой онъ могъ сосредоточить все свое вниманіе на любомъ предметѣ.

Замѣчено было только то, что онъ больше времени сталъ проводить за обѣдами, до сихъ поръ очень незатѣйливыми и непродолжительными.

Онъ старался забыться. Затѣмъ онъ проводилъ долгіе часы, полулежа съ романомъ въ рукахъ, точно въ забытїи, томительно ожидая развязки своей трагической исторіи. Приближенные при видѣ того, какъ этотъ настойчивый и непоколебимый геній боролся съ невозможностью, говорили между собой о томъ, что онъ, достигнувъ предѣла своей славы, предчувствовалъ безъ сомнѣнія, что, при первомъ отступательномъ движеніи, начнется его паденіе. Имъ было понятно, почему онъ оставался непо-

движнымъ, хватаясь за все, чтобы еще хотя на нѣсколько мгновеній удержаться на высотѣ.

Наконецъ, послѣ дней самообмана, послѣднія иллюзіи разсѣялись. Какой-то казакъ былъ этому причиной. Этотъ варваръ выстрѣлилъ въ Мюрата въ ту самую минуту, когда принцъ показался на аванпостахъ. Мюратъ вышелъ изъ себя; онъ заявилъ Милорадовичу, что перемиріе, безпрестанно нарушаемое, не можетъ продолжаться дальше и что отнынѣ каждая изъ сторонъ должна надѣяться только на себя.

Въ то самое время Мюратъ довелъ до свѣдѣнія Императора, что расположенное слѣва отъ него возвышеніе даетъ возможность неприятелю дѣлать на насъ неожиданныя нападенія со стороны лѣваго фланга и съ тыла, что наша первая линія, примыкающая къ оврагу, легко можетъ быть сброшена въ него. Такимъ образомъ, занимаемая Мюратомъ позиція передъ врагомъ, въ виду опасности, вынуждала его къ отступленію. Но Наполеонъ не соглашался на это, несмотря на то, что прежде онъ самъ указывалъ на Вороново, какъ на болѣе вѣрную позицію. При тогдашнемъ положеніи дѣлъ, принимаемыхъ имъ скорѣе за политическую борьбу, чѣмъ за войну, онъ боялся выказать колебаніе, и предпочиталъ рисковать всѣмъ.

Тѣмъ не менѣе, 13 октября онъ послалъ Лористона къ Мюрату осмотрѣть позицію его

авангарда. Самъ же Императоръ, обнаруживалъ странную небрежность въ приготовленіяхъ къ отъѣзду. Неизвѣстно, руководился ли онъ при этомъ нежеланіемъ разстаться со своими прежними надеждами или тѣмъ чувствомъ отвращенія, которое подымалось въ немъ при малѣйшемъ намекѣ на отступленіе, оскорбляя его гордость и противорѣча его политическимъ соображеніямъ. Но, тѣмъ не менѣе, съ того же дня онъ сталъ думать объ отступленіи и начерталъ соотвѣтствующій планъ, черезъ минуту продиктовавъ другой маршрутъ на Смоленскъ. 21-го Жюно въ Колоцкомъ монастырѣ получилъ приказаніе сжечь всѣ ружья раненыхъ и взорвать всѣ фуры. Д'Илле было поручено занять Ельню и устроить тамъ магазины. 17 октября въ Москвѣ Бертье впервые подумалъ о томъ, что раздать кому.

Этотъ генераль мало помогалъ своему вождю въ этихъ критическихъ обстоятельствахъ. Въ чужой странѣ, съ суровымъ климатомъ, онъ не принялъ никакихъ необходимыхъ предосторожностей и даже въ мелочахъ ждалъ распоряженій Императора. Но объ этомъ никто не вспомнилъ.

Подобная небрежность или непредусмотрительность привели къ печальнымъ послѣдствіямъ. Въ этой арміи, гдѣ каждой частью командовалъ маршалъ, принцъ или даже король, слишкомъ рассчитывали другъ на друга.

Самъ Бертъе не дѣлалъ никакихъ распоряженій: онъ довольствовался тѣмъ, что дословно повторялъ приказанія Наполеона и, не вдумываясь въ слова Императора, постоянно смѣшивалъ его опредѣленные указанія съ предположеніями и догадками.

Тѣмъ временемъ, Наполеонъ формировалъ свои полки и все чаще и чаще дѣлалъ смотръ въ Кремль. Онъ составлялъ батальоны изъ спѣшившихся кавалеристовъ и щедро раздавалъ награды. Побѣдные трофеи и легко раненые были отправлены въ Можайскъ, остальные раненые были свезены въ Воспитательный домъ: тамъ къ нимъ приставили французскихъ хирурговъ и присоединили русскихъ раненыхъ, надѣясь, что присутствіе этихъ послѣднихъ будетъ служить охраной для нашихъ.

Но было уже слишкомъ поздно. Вдругъ, среди всѣхъ этихъ приготовленій, въ ту минуту, когда Наполеонъ производилъ въ Кремль смотръ дивизіи Нея, около него заговорили о томъ, что подъ Винковымъ загрохотали пушки. Нѣкоторое время не осмѣливались ему объ этомъ докладывать: иные, потому что не довѣряли этому извѣстію и боялись вызвать недовольство Императора, другіе, по робости, не желая поднимать тревоги или опасаясь быть посланными для провѣрки этого извѣстія и тѣмъ самымъ подвергнуться утомительной поѣздкѣ.

Наконецъ, Дюрокъ рѣшился доложить объ этомъ. Императоръ на минуту перемѣнился въ лицѣ, затѣмъ быстро овладѣлъ собой и продолжалъ дѣлать смотръ. Но тутъ приближалъ молодой адъютантъ Беранже. Онъ доложилъ, что на первую линію Мюрата сдѣлано нападеніе, она смята, часть загнана въ лѣсъ, флангъ атакованъ, отступленіе отрѣзано; что у нашихъ захвачено двѣнадцать пушекъ, двадцать аммуниціонныхъ повозокъ, тридцать фургоновъ, убито два генерала и потеряно отъ трехъ до четырехъ тысячъ человѣкъ, а также обозы и что даже самъ Мюратъ раненъ. Ему удалось сохранить остатки своего авангарда лишь при помощи непрекращавшейся стрѣльбы по многочисленнымъ отрядамъ, уже занявшимъ позади его большую дорогу—единственный путь отступленія.

Но все-таки честь была спасена. Атака, предводительствуемая Кутузовымъ, была перѣшительна; Понятовскій, стоявшій на разстояніи нѣсколькихъ лье направо, доблестно сопротивлялся; Мюрату и стрѣлкамъ при помощи невѣроятныхъ усилій удалось остановить Багавута, уже готоваго врѣзаться въ нашъ лѣвый флангъ, и тѣмъ самымъ продержаться еще. Клапаредъ и Латуръ-Мобургъ очистили оврагъ Спаса-Капли, уже занятый Платовымъ въ двухъ лье позади нашей линіи. Два русскихъ генерала были убиты, нѣсколько другихъ ранены,

потери непріятеля значительны, но ему достались наши пушки, наша позиція, однимъ словомъ побѣда.

У Мюрата не оставалось больше авангарда: во время перемирія онъ потерялъ одну половину своей кавалеріи, другая погибла въ этой битвѣ. Оставшіеся были истощены голодомъ и едва могли отвѣчать на выстрѣлы. И вотъ война возобновилась! Это было 18 октября.

При этомъ извѣстїи, къ Наполеону вернулся цѣль его прежнихъ лѣтъ. Тысяча приказовъ, начиная отъ самыхъ важныхъ распоряженій и кончая мелочами, приказовъ самыхъ разнообразныхъ, но согласованныхъ между собою и одинаково необходимыхъ, было одновременно продиктовано этимъ гениемъ. До наступленія ночи вся его армія была въ движеніи. Самъ Императоръ еще до разсвѣта 19 октября выступилъ изъ Москвы, воскликнувъ: «Идемте къ Калугѣ и горе тѣмъ, кто попадется намъ на пути!»

МАЛОЯРОСЛАВЕЦЪ.

Въ южной части Москвы, у заставы, одно изъ ея главныхъ предмѣстій примыкаетъ къ двумъ большимъ дорогамъ; обѣ онѣ ведутъ въ Калугу. Одна изъ нихъ, что лѣвѣе, самая старая, другая проложена позднѣе. На первой-то изъ нихъ Кутузовъ только что разбилъ Мюрата. И по этой же дорогѣ Наполеонъ вышелъ изъ Москвы 19 октября, объявивъ своимъ офицерамъ, что онъ пойдетъ къ границамъ Польши черезъ Калугу и Смоленскъ. Затѣмъ, указавъ на небо, по-прежнему безоблачное, сказалъ: «Развѣ вы не узнаете моей звѣзды въ этомъ сверкающемъ небѣ?» Но этотъ призывъ къ счастью противорѣчилъ мрачному выраженію его лица и обнаруживалъ лишь дѣланное спокойствіе.

Наполеонъ, вступившій въ Москву съ 90 тысячами строевыхъ солдатъ и 20,000 больныхъ и раненыхъ, выходя изъ нея, имѣлъ больше 100 тысячъ здоровыхъ солдатъ, оставивъ въ Москвѣ 1,200 раненыхъ. Пребываніе Императора въ Москвѣ, несмотря на ежедневныя потери, дало ему возможность: предоставить от-

дыхъ пѣхотѣ, пополнить провіантъ войска и увеличить свои силы на 10 тысячъ человѣкъ. Кромѣ того, удалось часть раненыхъ помѣстить въ госпиталь, а остальныхъ заблаговременно вывести изъ города. Но съ перваго же дня выступленія Наполеонъ замѣтилъ, что его кавалерія и артиллерія едва волочили ноги.

Одно ужасное зрѣлище увеличило печальныя предчувствія нашего вождя. Армія, еще наканунѣ вышедшая изъ Москвы, двигалась безъ перерыва. Въ этой колоннѣ, состоявшей изъ 140,000 человѣкъ и приблизительно 50,000 лошадей всѣхъ породъ, сто тысячъ строевыхъ солдатъ, шедшихъ впереди въ полномъ снаряженіи съ пушками и артиллерійскими повозками, еще могли напоминать своимъ видомъ прежнихъ всемірныхъ побѣдителей, но что касается остальныхъ, то они походили скорѣе на татарскую орду послѣ удачнаго нашествія. На безконечномъ разстояніи въ три или четыре ряда тянулась спутанная вереница каретъ, фуръ, богатыхъ экипажей и всевозможныхъ повозокъ. Тутъ были и трофеи въ видѣ русскихъ, турецкихъ и персидскихъ знаменъ и гигантскій крестъ съ колокольни Ивана Великаго, и бородатые русскіе крестьяне, которые везли и несли нашу добычу, сами составляя часть ея; многіе изъ нашихъ собственноручно везли тачки, наполненные всѣмъ, что имъ удалось захватить; эти безумцы не хотѣли думать,

что уже къ вечеру имъ придется отказаться отъ своей непосильной ноши: охваченные бессмысленной жадностью, они забыли и о восьмистахъ лье пути, и о предстоящихъ сраженіяхъ.

Особенно бросалась въ глаза среди идущей въ походъ арміи толпа людей всѣхъ національностей, безъ формы, безъ оружія и слугъ, громко ругавшихся на всѣхъ языкахъ и подгонявшихъ криками и ударами плохенькихъ лошаденокъ, впряженныхъ веревочной упряжью въ элегантные экипажи, наполненные добычей, уцѣлѣвшей отъ пожара, или съѣстными припасами. Въ этихъ экипажахъ ѣхали также со своими дѣтьми французскія женщины, которыя когда-то были счастливыми обитательницами Москвы, а теперь убѣгали отъ ненависти москвичей, и армія являлась для нихъ единственнымъ убѣжищемъ. Нѣсколько русскихъ дѣвокъ слѣдовали за ними въ качествѣ добровольныхъ плѣнницъ.

Можно было подумать, что двигался какой-то караванъ кочевниковъ или одна изъ армій древнихъ временъ, возвращавшаяся послѣ великаго нашествія съ рабами и добычей.

Трудно было себѣ представить, какъ сможетъ регулярное войско тянуть за собой и сохранять такое количество тяжелыхъ экипажей въ теченіе столь длиннаго перехода.

Несмотря на ширину дороги и крики свиты, Наполеону съ трудомъ удавалось пробираться

сквозь эту невообразимую толкотню. Безъ сомнѣнія, достаточно было попасть въ узкій проходъ, ускорить движеніе или подвергнуться нападенію казаковъ, чтобы избавиться отъ этой поклажи; но лишь судьба или непріятель имѣли право облегчить насъ отъ нея. Императоръ же отлично сознавалъ, что онъ не имѣетъ права ни упрекнуть своихъ солдатъ за захватъ этой съ трудомъ пріобрѣтенной добычи, ни тѣмъ болѣе отнять ее у нихъ. Кромѣ того, такъ какъ награбленныя вещи были спрятаны подъ съѣстными припасами, а Императоръ не имѣлъ возможности выдавать своимъ солдатамъ должный паекъ, то могъ ли онъ запретить имъ уносить все это съ собой? Наконецъ, въ виду того, что не хватало военныхъ повозокъ, эти экипажи служили единственнымъ спасеніемъ для больныхъ и раненыхъ. Поэтому Наполеонъ безмолвно миновалъ длинный хвостъ своей арміи и выѣхалъ на старую Калужскую дорогу. Онъ въ теченіе нѣсколькихъ часовъ двигался въ этомъ направленіи, объявивъ, что онъ идетъ поразить Кутузова, на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ русскій полководецъ только что одержалъ побѣду. Но въ половинѣ дня, взобравшись на высоту Краснопахрской усадьбы, гдѣ онъ остановился, Императоръ неожиданно повернулъ направо вмѣстѣ со всей своей арміей и, двигаясь черезъ поля, въ три перехода достигъ новой калужской дороги. Во время этого ма-

невра полилъ дождь, испортилъ поперечныя дороги и принудилъ Наполеона остановиться. Это было большимъ несчастьемъ. Лишь съ большимъ трудомъ удалось извлечь изъ грязи наши орудія.

Несмотря на это, Императоръ удачно скрылъ свое движеніе, при помощи корпуса Нея и остатковъ кавалеріи Мюрата, стоявшихъ позади рѣки Мотши и въ Вороновѣ. Кутузовъ, введенный въ заблужденіе этой уловкой, продолжалъ ждать Великую Армію на старой дорогѣ, въ то время какъ она 23 октября, передвинувшись цѣликомъ на новую дорогу, должна была сдѣлать всего лишь одинъ переходъ, чтобы, благополучно миновавъ русскихъ, опередить ихъ на пути къ Калугѣ.

Письмо Бертье къ Кутузову, обозначенное первымъ днемъ нашего фланговаго марша, было послѣдней попыткой къ примиренію или быть можетъ военной хитростью. На него не послѣдовало удовлетворительнаго отвѣта.

23-го Императоръ со своимъ штабомъ уже былъ въ Боровскѣ. Проведенная тамъ ночь была пріятна Императору: онъ узналъ, что въ шесть часовъ вечера Дельзонъ со своей дивизіей, опередивъ его на четыре лье, нашель-Малоярославецъ и окружающіе его лѣса не занятыми. Это мѣсто было прочной позиціей противъ Кутузова и въ то же самое время единственнымъ пунктомъ, занявъ который, рус-

скіе могли отрѣзать намъ отступленіе по новой калужской дорогѣ. Сначала Императоръ хотѣлъ обезпечить успѣхъ захвата этого города своимъ присутвіемъ и даже отдалъ приказаніе къ выстуленію, но потомъ отмѣнилъ его, неизвѣстно почему.

Онъ провелъ этотъ вечеръ верхомъ на лошади вблизи Боровска, на большой дорогѣ недалеко отъ того мѣста, гдѣ, по его предположенію, долженъ былъ находиться Кутузовъ. Подъ проливнымъ дождемъ онъ осматривалъ мѣстность, какъ будто бы на ней должно было происходить сраженіе. На другой день, 24, онъ узналъ, что у Дельзона отбиваютъ Малоярославецъ; это извѣстіе не вызвало въ немъ особеннаго безпокойства, потому ли, что онъ былъ увѣренъ въ успѣхѣхъ, или потому, что вообще не зналъ, что предпринять.

Онъ поздно и не торопясь выѣхалъ изъ Боровска, какъ вдругъ до него донесся шумъ сильнаго сраженія. Тогда его охватило безпокойство, онъ послѣшилъ взобратъ на одну изъ возвышенностей и сталъ прислушиваться. Неужели русскіе его опередили? Значить, его маневръ не удался? Развѣ онъ съ недостаточной быстротой подвигался впередъ? Или, можетъ быть, наши обходятъ лѣвый флангъ Кутузова?

Говорили, что во всемъ этомъ движеніи нашей арміи наблюдалось та медлитель-

ность, которая обычно паступаетъ вслѣдъ за продолжительнымъ отдыхомъ. Разстояніе между Москвой и Малоярославцемъ равняется всего ста десяти верстамъ: достаточно было бы четырехъ дней, чтобы пройти его, но наши употребили на этотъ переходъ цѣлыхъ шесть дней. Правда, армія, нагруженная съѣстными припасами и добычей, съ трудомъ подвигалась впередъ, а дороги были тонки. Мы были принуждены посвятить цѣлый день переправѣ черезъ Нару и черезъ ея болото, точно такъ же, какъ и поджиданію различныхъ корпусовъ. Кромѣ того, подвигаясь такъ близко отъ непріятеля, нашимъ приходилось тѣсниться, чтобы не подвергнуть нападенію русскихъ нашъ слишкомъ удлиненный флангъ. Какъ бы то ни было, всѣ наши несчастія начались съ этого привала.

Между тѣмъ Императоръ по-прежнему прислушивался; шумъ все возросталъ: «Что это, — битва?» воскликнулъ онъ. Каждый выстрѣлъ терзалъ его, такъ какъ тутъ дѣло шло уже не о побѣдѣ, а о самосохраненіи, и онъ торопился Даву, слѣдовавшаго за нимъ, но этотъ маршалъ прибылъ на поле битвы лишь съ наступленіемъ ночи, когда пальба ослабѣвала, когда все уже было рѣшено.

Императоръ видѣлъ конецъ сраженія, но не имѣлъ возможности помочь вице-королю. Шайка тверскихъ казаковъ чуть было не захва-

тила вблизи Наполеона одного изъ его офицеровъ.

Ночью прїѣхалъ генераль, присланный принцемъ Евгеніемъ, и все объяснилъ: «Вчера Дельзонъ не встрѣтилъ непріятеля въ Малоярославцѣ, но онъ не счелъ возможнымъ расположить всю свою дивизію въ этомъ городѣ, стоящемъ на возвышенности, за рѣкой, за оврагомъ, въ который легко можно было при неожиданномъ ночномъ нападеніи опрокинуть все войско. Поэтому онъ остался на низкомъ берегу Лужи и поручилъ всего лишь двумъ батальонамъ занять городъ и слѣдить за высокимъ берегомъ. Ночь приближалась къ концу; было четыре часа; за исключеніемъ нѣсколькихъ часовыхъ все спало въ бивуакахъ Дельзона, какъ вдругъ русскіе подъ предводительствомъ Дохтурова съ ужасными криками выскочили изъ лѣсу. Смятеніе охватило часовыхъ и распространилось на всю дивизію. Это уже была не рукопашная, а артиллерійская пальба. Съ самаго начала атаки грохотъ орудій раздавался на три лье. Оповѣстивъ вице-короля о серьезномъ сраженіи».

Въ заключеніе въ этомъ рапортѣ было прибавлено, что тутъ подоспѣлъ принцъ Евгеній съ нѣсколькими офицерами, его дивизія и гвардія слѣдовали за нимъ. По мѣрѣ его приближенія передъ нимъ открывалось обширное поле сраженія, расположенное на возвышенности; у

ея подножья протекала Лужа, берега которой отбивали отряды русскихъ стрѣлковъ.

Позади ихъ съ высотъ города русскій авангардъ обстрѣливалъ Дельзона, а дальше по высокому берегу стремительно приближалась вся армія Кутузова двумя длинными чернѣющими колоннами. Ихъ ряды, то развертываясь, то смыкаясь, подымались къ городу по обнаженному спуску, достигнувъ котораго они заняли прочную позицію, дававшую этому многочисленному войску всѣ преимущества. И уже русскіе начали загораживать старую Калужскую дорогу, которая еще вчера была свободна и которую мы могли бы занять; но отнынѣ Кутузовъ будетъ отстаивать ее шагъ за шагомъ.

Въ то же самое время непріятельская артиллерія воспользовалась высотами, примыкавшими къ рѣкѣ, и ея выстрѣлы попадали на дно того оврага, гдѣ скрывались отряды Дельзона. Положеніе было невыносимо и всякое замедленіе могло кончиться нашей гибелью. Нужно было прибѣгнуть или къ быстрому отступленію, или къ стремительной атакѣ, а такъ какъ и отступать нужно было, двигаясь впередъ, то вице-король далъ приказъ къ атакѣ.

Большая Калужская дорога пролегаетъ по узкому мосту рѣки Лужи, затѣмъ черезъ оврагъ, примыкающій къ Малоярославцу, поднимается къ этому городу. Русскіе въ огромномъ числѣ занимали этотъ оврагъ. Дельзонъ и его фран-

цузы бросились туда, очертя голову. Отъ такого напора русскіе были опрокинуты и скоро наши штыки заблестѣли на высотахъ.

Дельзонъ, будучи увѣренъ въ побѣдѣ, объявилъ о ней. Ему оставалось пройти лишь одинъ только рядъ зданій, но его солдаты заколебались. Онъ двинулся впередъ, ободряя ихъ жестами, голосомъ и собственнымъ примѣромъ, какъ вдругъ пуля ударила ему въ голову и онъ упалъ. Его братъ бросился къ нему и, сжимая его въ своихъ объятіяхъ, хотѣлъ собственнымъ тѣломъ защитить его отъ выстрѣловъ и сумятицы, но вторая пуля сразила его самого—и оба брата одновременно испустили духъ.

Это была тяжелая потеря и нужно было замѣстить убитыхъ. Гильмино занялъ мѣсто Дельзона, опрокинулъ и загналъ сто русскихъ гренадеровъ въ церковь и на кладбище, на оградѣ котораго они держались. Эта церковь возвышалась налѣво отъ большой дороги и ей мы были обязаны побѣдой. Пять разъ мимо нея проходили преслѣдующія насъ русскія колонны и пять разъ наши выстрѣлы, направляемые изъ этой церкви то на ихъ флангъ, то на ихъ тылъ, приводили ихъ въ смятеніе и задерживали ихъ натискъ; затѣмъ, когда уже мы стали наступать, то русскіе, благодаря этой позиціи, очутились между двухъ огней и тѣмъ самымъ мы достигли успѣха.

Едва успѣлъ Гильмино установить такую

диспозицію, какъ вдругъ цѣлая стая русскихъ набросилась на него; его оттиснули къ мосту, гдѣ держался вице-король, наблюдавшій за сраженіемъ и подготовлявшій резервы. Сначала даваемая имъ подмога не имѣла значенія: онъ посылалъ одинъ за другимъ слабыя небольшіе отряды и, какъ это всегда бываетъ, такіе отряды, не представляя собою серьезнаго подкрѣпленія для натиска, были поочередно разбиваемы.

Наконецъ вся 14 дивизія была пущена въ дѣло, сраженіе въ третій разъ перешло на высоты. Но едва французы достигли городскихъ домовъ, едва они удалились отъ центрального пункта и очутились на широкомъ открытомъ мѣстѣ, не защищаемые ни съ какой стороны—ихъ силы оказались уже недостаточными. Истребляемые выстрѣлами цѣлой арміи, французы въ смятеніи остановились; къ русскимъ все время подходили свѣжія силы и наши порѣдѣвшіе полки должны были отступить, тѣмъ болѣе, что неровность почвы усиливала это смятеніе, и имъ снова пришлось стремительно спуститься съ возвышенности, покинувъ все:

Ядра, направленные въ этотъ деревянный городъ, подожгли его: въ своемъ отступленіи наши попадали въ огонь пожара, который гналъ ихъ подъ огонь выстрѣловъ; русскіе ополченцы озвѣрѣли, какъ истинные фанатики; наши солдаты тоже развирѣли; начался ру-

копашный бой; солдаты вцѣплялись другъ въ друга одной рукой, нанося удары другой, и оба, какъ побѣдитель, такъ и побѣжденный, скатывались въ глубины оврага или въ пламя, не разжимая рукъ. Тамъ умирали раненые, иные задыхаясь въ дыму, другіе—пожираемые раскаленными углями. Ихъ почернѣвшіе и обуглившіеся скелеты являли собой ужасное зрѣлище.

Впрочемъ, не всѣ изъ нашихъ одинаково ревностно исполняли свой долгъ. Одинъ изъ командировъ, большой говорунъ, забившись на дно оврага, проводилъ время въ разговорахъ вмѣсто того, чтобы дѣйствовать. Онъ держалъ при себѣ въ этомъ безопасномъ мѣстѣ ровно столько солдатъ, сколько нужно было для того, чтобы оправдать его присутствіе въ этомъ оврагѣ, предоставляя остальнымъ своимъ подчиненнымъ дѣйствовать наугадъ, каждому порознь — такъ, какъ имъ вздумается.

Въ резервѣ была одна 15 дивизія. Вице-король вызвалъ ее въ дѣло. Она двинулась впередъ, направивъ одну бригаду налѣво, въ предмѣстье, другую направо, въ городъ. Это были итальянскіе рекруты, которые сражались впервые. Они бросились въ гору съ восторженными криками, позабывъ объ опасности или презирая ее по тому странному свойству, благодаря которому жизнь въ ея расцвѣтѣ менѣе цѣнится, чѣмъ на склонѣ лѣтъ, или мо-

жетъ быть потому, что молодые меньше боятся смерти, не чувствуя ея приближенія, и въ этомъ возрастѣ, богатомъ всѣми дарами природы, они расточаютъ свою жизнь, какъ богачи свое состояніе.

Схватка была ужасна; мы въ четвертый разъ отбили все и снова все потеряли. Рекруты резерва, пылкіе вначалѣ, очень скоро потеряли мужество и, обратившись въ бѣгство, вернулись къ старымъ солдатамъ, которые, соединившись съ ними, снова повели ихъ въ сраженіе.

Тогда русскіе, воодушевленные своимъ успѣхомъ и своимъ все возраставшимъ числомъ, спустились съ правой стороны, чтобы овладѣть мостомъ и отрѣзать намъ отступленіе. У принца Евгенія оставался всего одинъ послѣдній резервъ, онъ самъ пошелъ въ бой вмѣстѣ со своей гвардіей. При видѣ этого и слышавъ призывные крики вице-короля, остатки 13-ой, 14-ой и 15-ой дивизій воспрянули духомъ—они сдѣлали послѣднее усиліе и въ пятый разъ бой перешелъ на высоты.

Въ это же время полковникъ Перальди и итальянскіе стрѣлки штыками оттѣснили русскихъ, которые уже достигали моста съ лѣвой стороны, и, не переводя духу, опьяненные дымомъ и выстрѣлами, черезъ которые они провались, ударами, которые они наносили сами, и, наконецъ, побѣдой,—они далеко устреми-

лись въ долину, собираясь захватить непріятельскія пушки.

Но одна изъ глубокихъ расщелинь, которыми покрыта эта почва, заставила ихъ остановиться подъ смертоноснымъ огнемъ: ихъ ряды разомкнулись и непріятельская кавалерія напала на нихъ; они были отброшены къ самымъ садамъ предмѣстья, тутъ они остановились и снова сомкнулись; Дюрье, Гиффлинга, Трецель, французы и итальянцы—все принялись отчаянно отстаивать верхнія ворота города и русскіе подались, наконецъ, и отступили, укрѣпившись на Калужской дорогѣ, между лѣсомъ и Малоярославцемъ.

Такимъ образомъ, восемнадцать тысячъ итальянцевъ и французовъ, столпившихся въ глубинѣ оврага, побѣдили пятьдесятъ тысячъ русскихъ, расположившихся надъ ихъ головами и имѣвшихъ все тѣ преимущества, которыя даетъ городъ, построенный на крутомъ подъемѣ.

Тѣмъ не менѣе армія съ грустью смотрѣла на это поле битвы, гдѣ пали убитыми и ранеными семь генераловъ и четыре тысячи французовъ и итальянцевъ. Потеря непріятеля не могла утѣшить насъ. Эта потеря не была вдвое больше нашей и ихъ раненые могли быть спасены. Кромѣ того мы вспоминали, что, находясь въ подобномъ же положеніи, Петръ I жертвовалъ десятью русскими на каждого шве-

да и считалъ, что не только потери обѣихъ сторонъ равны, но что онъ даже выигралъ въ этой ужасной сдѣлкѣ. Наши особенно печалились при мысли о бесполезности этой кровавой схватки.

Въ самомъ дѣлѣ, костры, запылавшіе налѣво отъ насъ въ ночь съ 23-го на 24 оповѣстили насъ о приближеніи русскихъ къ Малоярославцу; тѣмъ не менѣе было замѣтно, что наши подвигаются къ нимъ медленно, что лишь всего одна дивизія на три лье въ окружности, лишенная всякой подмоги, безопасно двигалась впередъ, что различные корпуса были далеко отодвинуты другъ отъ друга. Куда же дѣлась та быстрота и та рѣшимость, которую выказали наши при Маренго, Ульмѣ и Экмюлѣ? Чѣмъ было можно объяснить это вялое и замедленное передвиженіе при подобныхъ критическихъ обстоятельствахъ? Неужели нашихъ задерживали ихъ артиллерія и обозъ? Это предположеніе было наиболѣе правдоподобнымъ.

Императоръ выслушалъ рапортъ объ этой битвѣ, находясь въ нѣсколькихъ шагахъ направо отъ большой дороги, въ глубинѣ оврага на берегу рѣчки въ деревнѣ Городиѣ въ старой развалившейся деревянной хижинѣ ткача. Эта деревня была расположена въ полульѣ отъ Малоярославца, возлѣ одного изъ изгибовъ рѣки Луки. И въ этомъ-то подточенномъ червями жилищѣ, въ грязной темной комнаткѣ,

разгороженной пополамъ холщевой занавѣской, рѣшалась судьба арміи и Европы!

Первую половину ночи Наполеонъ провелъ въ полученіи и прочитываніи извѣстій съ поля сраженія. Все доказывало, что непріятель готовится къ сраженію на слѣдующій день; наши же находили нужнымъ избѣжать ее. Въ одиннадцать часовъ пришелъ Бессьеръ. Этотъ маршалъ былъ обязанъ своимъ возвышеніемъ нѣкоторыми почтенными заслугами и любовью Наполеона, привязавшагося къ нему, какъ къ своему созданію. Правда, нельзя было сдѣлаться фаворитомъ Наполеона такъ же, какъ—всякаго другого монарха; для этого слѣдовало, по крайней мѣрѣ, долго прожить съ нимъ, выказать свою полезность, такъ какъ онъ не удѣлялъ много времени пріятному; затѣмъ необходимо было быть не только простымъ свидѣтелемъ столькихъ побѣдъ;—тогда утомленный Императоръ пріучался смотрѣть тѣми глазами, которые, какъ ему казалось, онъ самъ пересоздалъ.

Онъ отправилъ своего маршала, чтобы смотрѣть расположеніе непріятеля. Бессьеръ повиновался; онъ проѣхалъ вдоль всего фронта позиціи русскихъ: «Ихъ невозможно атаковать», сказалъ онъ по возвращеніи!—«О Боже!» воскликнулъ Императоръ, всплеснувъ руками. «Достаточно ли вы въ этомъ убѣдились? Неужели это правда? Вы мнѣ ручаетесь за

это?» Бессьеръ подтвердилъ свое донесеніе: онъ повторилъ, что позиція русскихъ такова, что достаточно трехсотъ гренадеръ для задержанія цѣлой арміи! Наполеонъ съ подавленнымъ видомъ скрестилъ руки и углубился въ свои печальныя размышленія. «Итакъ, его армія побѣдоносна, но самъ онъ побѣжденъ! Его путь отрѣзанъ, планы разстроены; Кутузовъ старикъ, скинѣ, предупредилъ его! И онъ не можетъ жаловаться на свою звѣзду! Развѣ солнце Франціи не слѣдовало за нимъ и въ Россію? Развѣ еще вчера дорога въ Малоярославецъ не была свободна? Значить, счастье не измѣнило ему, но не онъ ли самъ измѣнилъ своему счастью?»

Углубившись въ бездну этихъ безотрадныхъ мыслей, онъ впалъ въ такое состояніе, что ни одному изъ его приближенныхъ не удалось добиться отъ него ни одного слова и только послѣ долгихъ настойчивыхъ вопросовъ едва онъ удостоилъ ихъ кивка головы. Наконецъ, онъ выразилъ желаніе отдохнуть немного, но его терзала жгучая бессонница. Весь остатокъ жестокой ночи онъ то вставалъ, то ложился, безпрестанно подзывалъ къ себѣ кого-нибудь, но ни однимъ словомъ не обнаруживалъ своего отчаянія и лишь по безпокойной подвижности его тѣла можно было судить о смятеніи его души.

Около четырехъ часовъ утра одинъ изъ его ординарцевъ, принцъ Д'Аренбергъ, предупре-

диль его о томъ, что подъ прикрытіемъ ночной темноты, лѣса и неровностей почвы казаки проскользнули между главной квартирой арміи и аванпостами. Императоръ только что послалъ Понятовскаго на свой правый флангъ, въ Крененское. Онъ такъ мало ожидалъ нападенія непріятели съ этой стороны, что не позаботился объ укрѣпленіи праваго фланга, и не обратилъ вниманія на донесеніе своего ординарца.

Какъ только 25-го числа солнце показалось на горизонтѣ, онъ сѣлъ на лошадь и отправился по Калужской дорогѣ, которая теперь была для него только дорогой въ Малоярославецъ. Чтобы достигнуть моста, около этого города слѣдовало проѣхать черезъ длинную долину шириною въ полъё, которую окружаетъ со всѣхъ сторонъ рѣка Лужа; за Императоромъ слѣдовало всего лишь нѣсколько офицеровъ. Такъ какъ четыре эскадрона его обычной свиты не были имъ предупреждены, то они поѣхали вслѣдъ за нимъ, торопясь его догнать. Дорога была покрыта артиллерійскими и лазаретными фурами и экипажами; все это составляло внутреннюю часть арміи и потому Наполеонъ со своими путниками подвигались впередъ безъ всякихъ опасеній.

Сначала вдаль съ правой стороны замелькали небольшіе отряды, затѣмъ стали приближаться большія черныя линіи войскъ. Вдругъ поднялась тревога: нѣсколько женщинъ и кое-

кто изъ челяди стремглавъ бросились назадъ, ничего не слушая, не отвѣчая на вопросы, потерявъ голосъ и еле переводя духъ. Въ то время ряды экипажей нерѣшительно остановились: среди нихъ поднялась суматоха; одни изъ нихъ хотѣли продолжать путь, другіе—вернуться обратно: экипажи сталкивались, опрокидывались и вскорѣ воцарился невообразимый беспорядокъ. Императоръ смотрѣлъ и улыбался, все подвигаясь впередъ и думая, что ими овладѣлъ безпричинный паническій страхъ. Его адъютанты подозрѣвали, что передъ ними казаки, но они приближались такими правильными взводами, что наши все еще сомнѣвались, и если бы эти негодяи не зарычали бы по своему обыкновению, чтобы заглушить въ себѣ страхъ передъ опасностью, Наполеону, быть можетъ, не удалось бы миновать ихъ рукъ. Опасность эта была еще увеличена тѣмъ, что сначала мы приняли эти возгласы за крики «Да здравствуетъ Императоръ!»

Это былъ Платовъ и шесть тысячъ казаковъ, которые позади нашего побѣдоноснаго авангарда попытались перейти рѣку, равнину и большую дорогу, забирая все на своемъ пути, и какъ разъ въ ту минуту, когда Императоръ спокойно двигался среди своей арміи вблизи извилистой рѣки, не допуская даже мысли о такомъ дерзкомъ намѣреніи,—русскіе приводили его въ исполненіе!

Пустившись въ галопъ, они приближались такъ быстро, что Раппъ едва успѣлъ сказать Императору: «Да вѣдь это они, возвращайтесь!» Императоръ, потому ли, что онъ плохо видѣлъ, или потому, что онъ считалъ унижительнымъ обращаться въ бѣгство, стоялъ на своемъ. И онъ былъ бы окруженъ, если бы Раппъ, схвативъ за поводъ лошадь Наполеона, не повернулъ ее назадъ, закричавъ ему: «Это необходимо!» И въ самомъ дѣлѣ приходилось бѣжать. Наполеонъ при своей гордости не могъ рѣшиться на это. Онъ обнажилъ шпагу; принцъ Невшательскій и оберъ-шталмейстеръ послѣдовали его примѣру. И, ставъ налѣво отъ дороги, они стали ждать эту орду, отъ которой ихъ отдѣляло всего сорокъ шаговъ. Раппъ едва успѣлъ повернуться лицомъ къ этимъ варварамъ, какъ одинъ изъ нихъ съ такой силой вонзилъ свое копье въ грудь лошади этого генерала, что опрокинулъ его на землю. Другіе адъютанты и нѣсколько гвардейскихъ кавалеристовъ подняли его. Тотъ постуцокъ, храбрость Лекутё, усилія двухъ десятковъ офицеровъ и стрѣлковъ, а главнымъ образомъ, жадность къ грабежу русскихъ варваровъ спасли Императора. Тѣмъ не менѣе имъ достаточно было только протянуть руку, чтобы схватить его. Въ ту же минуту орда, пересѣкая дорогу, смяла все на своемъ пути: лошадей, людей, экипажи, нанося раны и убивая обозныхъ

солдатъ, которыхъ затѣмъ казаки тащили въ лѣсъ, чтобы тамъ ихъ обогнать; затѣмъ, повернувъ лошадей, впряженныхъ въ орудія, они уводили ихъ черезъ поля. Но эта побѣда длилась лишь одно мгновеніе, была торжествомъ, благодаря неожиданности. Подоспѣла гвардейская кавалерія, при видѣ нея русскіе побросали свою добычу и обратились въ бѣгство; они пронеслись подобно потоку, правда, оставляя за собой ужасные слѣды, но побросавъ то, что удалось имъ захватить.

Тѣмъ не менѣе нѣкоторые изъ этихъ варваровъ проявили отвагу, доходящую до дерзости. Они возвращались шагомъ, проѣзжая между нашими эскадронами и спокойно заряжая свои ружья. Они рассчитывали на неповоротливость нашихъ избранныхъ кавалеристовъ и на легкость своихъ собственныхъ лошадей, подгоняемыхъ нагайками. Ихъ бѣгство произошло въ полномъ порядкѣ, они нѣсколько разъ обоглачивались, правда, на разстояніи вѣ выстрѣла, такъ что они потеряли только нѣсколько человѣкъ ранеными и не оставили намъ ни одного плѣнника. Наконецъ, они заманили насъ къ оврагамъ, поросшимъ кустарниками, гдѣ были спрятаны ихъ орудія, принудившія насъ остановиться. Все это наводило на размышленія. Силы нашей арміи были надорваны, а война возобновлялась во всей своей силѣ!

Императоръ, пораженный тѣмъ, что осмѣли-

лись на него напасть, стоялъ до тѣхъ поръ, пока не очистили долину; затѣмъ онъ направился въ Малоярославецъ, гдѣ вице-король показалъ ему всѣ препятствія, преодоленныя наканунѣ.

Сама почва достаточно свидѣтельствовала о нихъ. Никогда еще поле битвы не представляло такой ужасной картины. Изрытая поверхность земли, окровавленные развалины, улицы, слѣды которыхъ можно было различить по длинной вереницѣ труповъ и человѣческихъ головъ, раздавленныхъ пушечными колесами, обгорѣвшіе раненые, выползавшіе изъ обломковъ и испускавшіе жалобныя стоны, наконецъ, мрачное пѣніе гренадеровъ, воздававшихъ послѣднія печальныя почести останкамъ своихъ убитыхъ полковниковъ и генераловъ—все это говорило о только что произошедшемъ ужасномъ сраженіи. Говорятъ, что Императоръ увидѣлъ въ этомъ одну лишь славу; онъ воскликнулъ: «Честь этого великаго дня всецѣло принадлежитъ принцу Евгенію!» Но уже охваченный роковымъ предчувствіемъ, онъ поколебался при видѣ этого зрѣлища. Затѣмъ онъ отправился на высокій берегъ.

Товарищи! помните ли вы это злосчастное поле битвы, на которомъ остановилось завоеваніе міра, гдѣ двадцать лѣтъ непрерывныхъ побѣдъ разсыпались въ прахъ, гдѣ началось великое крушеніе нашего счастья? Представляет-

ся ли еще вашимъ глазамъ этотъ разрушен-
ный кровавый городъ и эти глубокіе овраги
и лѣса, которые, окружая высокую долину,
образуютъ изъ нея замкнутое мѣсто? Съ одной
стороны французы, уходившіе съ сѣвера, ко-
торого они такъ пугались, съ другой—у опу-
шекъ лѣсовъ—русскіе, охранявшіе дорогу на
югъ и пытавшіеся толкнуть насъ во власть
ихъ грозной зимы. Представляется ли вамъ
Наполеонъ между двумя своими арміями по-
среди этой долины, его шаги, его взгляды,
блуждавшіе съ юга на востокъ, съ Калужской
дороги на Медынскую? Обѣ онѣ для него за-
крыты: на Калужской—Кутузовъ и сто два-
дцать тысячъ человѣкъ, готовыхъ оспаривать
у него двадцать лье лощины, со стороны Меды-
ни онъ видитъ многочисленную кавалерію—это
Платовъ и тѣ самыя орды, которыя только что
появились у крыла арміи, проникли черезъ
него по частямъ и вышли, нагруженные добы-
чей, чтобы вновь сформироваться на правомъ
флангѣ, гдѣ ихъ ждали резервы и артиллерія.
Именно въ эту сторону были такъ долго устре-
млены взоры Императора, о ея положеніи онъ
справлялся по военнымъ картамъ, выслуши-
валъ генераловъ, взвѣшивалъ все, что было
опаснаго въ нашей позиціи въ силу необычайно
рѣзкихъ несогласій между генералами, кото-
рые не сдерживались даже въ его присутствіи.
Затѣмъ, весь подавленный сожалѣніемъ и пе-

чальными предчувствіями, онъ медленно отправился на главную квартиру.

Мюратъ, принцъ Евгеній, Бертъе, Даву и Бессьеръ слѣдовали за нимъ. Бѣдное жилище невѣжественнаго ремесленника заключало въ своихъ стѣнахъ Императора, двухъ королей, трехъ генераловъ арміи! Они пришли туда, чтобы рѣшить судьбу Европы и арміи, которая ее завоевала. Смоленскъ былъ цѣлью. Какъ итти туда—черезъ Калугу, Медынь или Можайскъ? Наполеонъ сидѣлъ передъ столомъ, опершись головой на руки, которыя закрывали его лицо и отражавшюся, вѣроятно, на немъ скорбь.

Никто не рѣшался нарушить этого рокового молчанія, какъ вдругъ Мюратъ, который не могъ долго сосредоточиваться, не вынесъ этого колебанія. Послушный лишь внушеніямъ своей пламенной натуры, и не желая поддаваться такой нерѣшительности, онъ воскликнулъ въ одномъ изъ порывовъ, свойственныхъ ему и способныхъ разомъ или поднять настроеніе или ввергнуть въ отчаяніе: «Пусть меня снова обвиняютъ въ неосторожности, но на войнѣ все рѣшается и опредѣляется обстоятельствами. Тамъ, гдѣ остается одинъ исходъ—атака, всякая осторожность становится отвагой и отвага осторожностью. Остановиться нѣтъ никакой возможности, бѣжать опасно, поэтому намъ необходимо преслѣдовать непріятеля.

Что намъ за дѣло до грознаго положенія русскихъ и ихъ непроходимыхъ лѣсовъ? Я презираю все это! Дайте мнѣ только остатки кавалеріи и гвардіи и я углублюсь въ ихъ лѣса, брошусь на ихъ батальоны, разрушу все и вновь открою арміи путь къ Калугѣ».

Здѣсь Наполеонъ, поднявъ голову, остановилъ эту пламенную рѣчь, сказавъ: «Довольно отваги; мы слишкомъ много сдѣлали для славы; теперь время думать лишь о спасеніи остатковъ арміи».

Тутъ Бессьеръ, потому ли, что его гордость оскорблялась при мысли о необходимости подчиниться Неаполитанскому королю, или потому, что ему хотѣлось сохранить неприкосновенной гвардейскую кавалерію, которую онъ сформировалъ, за которую отвѣчалъ передъ Наполеономъ и которая состояла подъ его начальствомъ, — Бессьеръ, чувствуя поддержку, осмѣлился прибавить: «Для подобнаго предпріятія у арміи, даже у гвардіи не хватитъ мужества. Уже теперь поговариваютъ о томъ, что не хватаетъ повозокъ и что отнынѣ раненый побѣдитель останется въ рукахъ побѣжденных и, что такимъ образомъ всякая рана была смертельна. Итакъ, за Мюратомъ послѣдуютъ неохотно и въ какомъ состояніи? Мы только что убѣдились въ недостаточности нашихъ силъ. А съ какимъ непріателемъ намъ придется сражаться? Развѣ не видѣли мы поля

послѣдней битвы, не замѣтили того неистовства, съ которымъ русскіе ополченцы, едва вооруженные и обмундированные, шли на вѣрную смерть?» Этотъ маршалъ закончилъ свою рѣчь, произнеся слово отступленіе, которое Наполеонъ одобрилъ своимъ молчаніемъ.

Тотчасъ же принцъ Экмюльскій заявилъ, что если отступленіе рѣшено, то нужно отступать черезъ Медынь и Смоленскъ. Но Мюратъ прервалъ Даву и не то изъ враждебности, которую онъ къ нему питалъ, не то отъ досады за его отвергнутый отважный планъ, съ изумленіемъ сказалъ: «Какъ можно предлагать Императору такой неосмотрительный шагъ! Что же Даву поклялся погубить всю армію? Неужели онъ хочетъ, чтобы такая длинная и тяжелая колонна потянулась бы безъ проводниковъ по незнакомой дорогѣ, вблизи Кутузова, подставляя свое крыло всѣмъ непріятельскимъ нападеніямъ. Ужъ не самъ ли Даву будетъ защищать армію? Зачѣмъ, когда позади насъ Боровскъ и Верея безопасно ведутъ къ Можайску, мы отклонимъ этотъ спасительный для насъ путь? Тамъ должны быть заготовлены съѣстные припасы, тамъ все намъ извѣстно и ни одинъ измѣнникъ не собьетъ насъ съ дороги».

При этихъ словахъ Даву, весь пылая гнѣвомъ и съ трудомъ сдерживая себя, отвѣчалъ: «Я предлагаю отступать по плодородной почвѣ,

по нетронутой дорогѣ, гдѣ мы можемъ найти пропитаніе въ деревняхъ, уцѣлѣвшихъ отъ разрушенія по кратчайшему пути, которымъ непріятель не успѣетъ воспользоваться, чтобы отрѣзать намъ указываемую Мюратомъ дорогу изъ Можайска въ Смоленскъ, а что это за дорога? песчаная и испепеленная пустыня, гдѣ обозы раненыхъ, присоединившись къ намъ, прибавятъ намъ новыя затрудненія, гдѣ мы найдемъ лишь одни обломки, слѣды крови, скелеты и голодь!

Впрочемъ, я высказываю свое мнѣніе, потому что меня спрашиваютъ, но я съ меньшимъ рвеніемъ буду повиноваться приказаніямъ, хотя бы и противорѣчащимъ моему мнѣнію; но только одинъ императоръ можетъ заставить меня замолчать, а ужъ никакъ не Мюратъ, который никогда не былъ моимъ государемъ и никогда имъ не будетъ!»

Ссора усиливалась, Бессьеръ и Бертъе вмѣшались. Императоръ же, попрежнему погруженный въ задумчивость, казалось, ничего не замѣчалъ. Наконецъ онъ прервалъ свое молчаніе и это обсужденіе слѣдующими словами: «Хорошо, господа, я рѣшу самъ!»

Онъ рѣшилъ отступить и по той дорогѣ, которая дастъ возможность скорѣе удалиться отъ непріятели. Но ему нужно было вынести страшную борьбу съ собой для того, чтобы онъ смогъ заставить себя рѣшиться на такой небывалый

для него путь. Это рѣшеніе было такъ мучительно, такъ оскорбляло его гордость, что онъ лишился чувствъ. Тѣ, которые тогда ухаживали за нимъ, рассказывали, что донесеніе о новомъ дерзкомъ нападеніи казаковъ возлѣ Боровска въ нѣсколькихъ лье позади арміи было послѣднимъ и слабымъ толчкомъ, который заставилъ Императора окончательно принять роковое рѣшеніе—отступать.

Замѣчательно то, что онъ приказалъ отступать къ сѣверу въ ту минуту, когда Кутузовъ со своими русскими, еще потрясенными схваткой при Малоярославцѣ, отступалъ къ югу.

Въ эту же самую ночь такая же тревога происходила и въ русскомъ лагерѣ. Во время битвы подъ Малоярославцемъ Кутузовъ съ осторожной медлительностью приближался къ полю битвы, останавливаясь на каждомъ шагу, ощущая почву, какъ будто бы онъ боялся, что земля провалится подъ нимъ, и лишь съ трудомъ удавалось добиться отъ него посылки резервныхъ отрядовъ на помощь Дохтурову. Самъ онъ осмѣлился загородить дорогу Наполеону лишь въ то время, когда нечего было опасаться генеральнаго сраженія.

Тогда Вильсонъ, еще разгоряченный битвой, прискакалъ къ нему. Вильсонъ это тотъ дѣятельный, подвижный англичанинъ, котораго видѣли въ Египтѣ, въ Испаніи, всюду врагомъ Наполеона и французовъ. Въ русской арміи

онъ былъ представителемъ союзниковъ. Среди полновластія Кутузова, онъ былъ человекъ независимый, не только наблюдатель, но какъ бы судья; этихъ свойствъ было достаточно, чтобы вызвать къ себѣ недоброжелательство, а такъ какъ вражда всегда вызываетъ вражду, то Кутузовъ и Вильсонъ ненавидѣли другъ друга, Вильсонъ упрекалъ его за непостижимую медлительность, благодаря которой пять разъ въ теченіе одного дня русскіе упустили побѣду, какъ и въ Винковѣ, и онъ напомнилъ ему объ этой битвѣ, происходившей 18 октября. Въ самомъ дѣлѣ въ тотъ день Мюратъ погибъ бы, если бы Кутузовъ сильной атакой на фронтъ французовъ далъ возможность Беннигсену напасть на ихъ лѣвый флангъ. Но по беззаботности или по медлительности—своимъ старикамъ, или потому, какъ говорили многіе изъ русскихъ, что Кутузовъ былъ болѣе враждебно настроенъ по отношенію Беннигсена, чѣмъ по отношенію Наполеона,—старецъ произвелъ атаку слишкомъ медлительную, началъ ее очень поздно и остановилъ преждевременно.

Затѣмъ Вильсонъ просилъ дать завтра рѣшительную битву, но его предложеніе было отвергнуто и, несмотря на это, Кутузову, замкнутому вмѣстѣ съ французами на высокой равнинѣ Малоарославца, пришлось занять грозное положеніе 25-го. Онъ выдвинулъ всѣ свои

дивизіи и 700 артиллерійскихъ орудій. Въ обѣихъ арміяхъ не сомнѣвались, что для одной изъ сторонъ наступилъ послѣдній день. Самъ Вильсонъ думалъ то же самое. Онъ замѣтилъ, что линіи русскихъ примыкають къ болотистому оврагу, черезъ который перекинуть шаткій мостъ. Этотъ единственный путь къ отступленію въ виду непріятели казался Вильсону неудовлетворительнымъ. Итакъ, Кутузову необходимо было или побѣдить или погибнуть, и англичанинъ улыбнулся, предвкусывая рѣшительную битву: пусть исходъ ея будетъ фаталенъ для Наполеона или опасенъ для русскихъ; она будетъ кровопролитна и Англія только выиграетъ отъ этого.

Но когда наступила ночь, онъ, продолжая волноваться, объѣхалъ русскіе ряды; онъ съ наслажденіемъ услышалъ, какъ клялся Кутузовъ дать наконецъ сраженіе. Вильсонъ торжествовалъ, глядя, какъ русскіе генералы приготавлились къ страшному столкновенію. Одинъ только Беннигсенъ сомнѣвался въ битвѣ. Англичанинъ, полагая, что самая позиція войскъ не дастъ возможности отступать, легъ отдохнуть до наступленія дня, какъ вдругъ, въ три часа утра приказъ объ общемъ отступленіи разбудилъ его. Всѣ его усилія были бесполезны. Кутузовъ рѣшился бѣжать на югъ, сначала черезъ Гончарово, потомъ на Калугу и на Окѣ все было уже приготовлено для его переправы.

Въ ту же самую минуту Наполеонъ приказалъ своимъ отступать на сѣверъ къ Можайску. Двѣ арміи повернулись спиной другъ къ другу, обманывая другъ друга остававшимися на мѣстахъ арьергардами.

Вильсонъ увѣряетъ, что со стороны Кутузова это было настоящимъ бѣгствомъ. Со всѣхъ сторонъ кавалерія, повозки, орудія, батальоны устремлялись къ мосту, къ которому примыкала русская армія. Тутъ всё эти колонны, сталкиваясь справа, слѣва и съ центра, сталкивались, торопились и смѣшались въ такую сученную массу, что потеряли возможность двигаться дальше. Потрачено было нѣсколько часовъ, чтобы очистить и освободить этотъ переходъ. Нѣсколько ядеръ Даву, посланныхъ имъ, какъ онъ думалъ напрасно, попало въ эту сумятицу.

Наполеону достаточно было только двинуться на эту безпорядочную толпу. Тутъ, когда послѣ большого натиска, сдѣланнаго подъ Малоярославцемъ, оставалось только идти впередъ, Императоръ отступилъ. Такова война: никогда попытка и дерзновеніе не доводятся до конца. Аванпосты являются лишь показной частью двухъ непріятельскихъ армій; при помощи ихъ, эти арміи взаимно угрожаютъ и не даютъ возможности узнать дѣйствительныя силы другъ друга!

Въ концѣ концовъ это произошло можетъ

быть потому, что у Императора, проявившаго большую неосторожность въ Москвѣ, въ эту минуту не было достаточно смѣлости; онъ чувствовалъ себя усталымъ, недавно случившіяся казачкія выходки вызвали въ немъ отвращеніе, видъ раненыхъ растрогалъ его, всѣ эти ужасы отталкивали его и, подобно всѣмъ крайне рѣшительнымъ людямъ, онъ, уже не надѣясь на полную побѣду, постановилъ стремительно отступить.

Съ того момента, онъ сталъ видѣть передъ собой только Парижъ, точно такъ же, какъ, уѣзжая изъ Парижа, онъ видѣлъ передъ собой только Москву. Это было 26 октября, когда началось роковое отступательное движеніе нашихъ войскъ. Даву во главѣ двадцати-пяти тысячъ человекъ остался въ арьергардѣ. Въ то время, какъ онъ дѣлалъ нѣсколько шаговъ впередъ и этимъ, самъ того не зная, навелъ ужасъ на русскихъ, — Великая Армія повернулась къ нему спиной. Армія шла, опустивъ глаза, словно пристыженная и сконфуженная, а посреди нея, ея вождь, мрачный и молчаливый, казалось, тревожно измѣрялъ глазами разстояніе, отдѣлявшее его отъ береговъ Вислы, гдѣ его, можетъ быть, ждала подмога.

Наполеонъ, обреченный на столь гадательныя предположенія, въ задумчивости пріѣхалъ въ Верею, гдѣ его встрѣтилъ Мортъе.

23-го октября въ половинѣ второго ночи

воздухъ былъ оглашенъ ужаснымъ взрывомъ; обѣ арміи были первое время удивлены, хотя всѣ уже давно перестали удивляться, будучи готовы ко всему.

Мортъе выполнилъ приказъ Императора: Кремля не стало. Во всѣ залы царскаго дворца были заложены бочки съ порохомъ, точно такъ же, какъ и подъ своды, находившіеся подъ дворцомъ. Этотъ маршалъ, во главѣ восьми тысячъ человѣкъ, остался возлѣ вулкана, который могъ взорваться отъ одной русской гранаты. Такимъ образомъ, онъ прикрывалъ выступленіе арміи къ Калугѣ и—различныхъ пѣшихъ обозовъ къ Можайску.

Изъ числа этихъ восьми тысячъ человѣкъ, Мортъе могъ рассчитывать едва на двѣ тысячи; остальная часть—состоявшая изъ спѣшившихся кавалеристовъ, изъ людей, стекшихся изъ разныхъ полковъ и изъ разныхъ странъ, не имѣвшихъ ни одинаковыхъ привычекъ, ни одинаковыхъ воспоминаній, не связанныхъ, однимъ словомъ, никакой общностью интересовъ, — представляла собою скорѣе беспорядочную толпу, чѣмъ организованное войско: они неминуемо должны были разсѣяться.

Инженерная сторона этого дѣла была поручена храброму и ученому полковнику Деспрэ. Этотъ офицеръ прибылъ изъ самой Испаніи; онъ только что, въ началѣ сентября, былъ свидѣтелемъ выступленія нашихъ изъ Мадрида

въ Валенсію, въ слѣдующій мѣсяцъ ему пришлось видѣть новое отступленіе французовъ изъ Москвы въ Вильну. Повсюду наши силы слабѣли.

На герцога Тревизскаго смотрѣли, какъ на человѣка, обреченнаго на гибель. Прочіе полководцы, его старые сотоварищи по походамъ, разстались съ нимъ со слезами на глазахъ, а Императоръ, прощаясь съ нимъ, сказалъ, что рассчитываетъ на его счастье, но что, впрочемъ, на войнѣ нужно быть готовымъ ко всему.

Мортъе повиновался безъ колебанія. Ему былъ отданъ приказъ охранять Кремль, затѣмъ, при выступленіи, взорвать его и поджечь уцѣлѣвшія зданія города. Эти послѣднія распоряженія были посланы Наполеонъ изъ помѣстья Красныя Пахры. Выполнивъ ихъ, Мортъе долженъ былъ направиться къ Вереѣ и, соединившись съ арміей, составить ея арьергардъ. Въ этомъ письмѣ Наполеонъ особенно настаивалъ, чтобы Мортъе размѣстилъ въ фургонахъ молодой арміи и спѣшившейся кавалеріи, а также и во всѣхъ повозкахъ, которыя ему удастся достать, раненыхъ, еще находившихся въ госпиталяхъ.

Онъ прибавилъ, что римляне награждали почетными вѣнками тѣхъ, которые спасали жизнь гражданамъ: герцогъ Тревизскій заслуживаетъ столько же вѣнковъ, сколько онъ спасетъ солдатъ! Наполеонъ приказывалъ ему размѣщать

также раненыхъ на лошадяхъ, какъ на своихъ, такъ и на всѣхъ другихъ. Онъ самъ поступалъ точно такъ же при Сенъ-Жанъ-д'Аркъ. А Мортъе тѣмъ возможнѣе принять эти мѣры, такъ какъ, едва онъ настигнетъ армію, ему доставить и лошадей и повозокъ, чтобы облегчить спасеніе пяти стамъ человѣкамъ. Онъ долженъ начинать размѣщать прежде всего офицеровъ, затѣмъ унтеръ-офицеровъ и давать предпочтеніе французамъ: для этого онъ долженъ созвать всѣхъ генераловъ и офицеровъ, находящихся подъ его командой, и дать имъ понять всю важность этихъ мѣръ, а также сказать имъ, что Императоръ никогда не забудетъ ихъ заслугъ при спасеніи пятисотъ человѣкъ!»

Между тѣмъ, по мѣрѣ того какъ Великая Армія покидала Москву, казаки проникали въ ея предмѣстья, а Мортъе удалился въ Кремль. Эти казаки состояли развѣдчиками у десяти тысячъ русскихъ, которыми руководилъ Винцингероде. Этотъ иностранецъ, воспламененный ненавистью къ Наполеону и обуреваемый желаніемъ вернуть Москву и такимъ выдающимся геройскимъ подвигомъ снискать себѣ въ Россіи новую родину, въ своемъ увлеченіи, оставилъ своихъ далеко за собой; миновавъ Грузины, онъ устремился къ Китай-городу и Кремлю; презирая наши аванпосты, онъ попалъ въ засаду и, видя, что его самого захватили въ этомъ городѣ, который онъ пришелъ

отнимать, онъ сразу перемѣнилъ роль: замахавъ платкомъ, онъ объявилъ себя парламентаремъ

Его провели къ герцогу Тревизскому. Тутъ русскій генеральъ сталъ дерзко возставать противъ совершеннаго надъ нимъ насилія. Мортъе отвѣчалъ ему, «что лобого генераль-аншефа, являющагося такимъ образомъ, можно принять за слишкомъ отважнаго солдата, а никакъ не за парламентаря, и что ему придется немедленно отдать свою шпагу». Тутъ, не рассчитывая болѣе на обманъ, русскій генеральъ покорился и призналъ свою неосторожность.

Наконецъ, послѣ четырехъ дней сопротивленія, французы навсегда покинули этотъ зловѣщій городъ. Они увезли съ собой четыреста человѣкъ раненыхъ, но, удаляясь, наши заложили въ скрытое и вѣрное мѣсто искусно изготовленное вещество, которое уже пожирало медленное пламя; все было рассчитано: былъ извѣстенъ часъ, когда огню суждено было достигъ огромныхъ кучъ пороха, скрытыхъ въ фундаментъ этихъ, обреченныхъ на гибель, дворцовъ.

Мортъе поспѣшно удалялся, но въ то же время жадные казаки и грязные мужики, привлеченные, какъ говорили, жаждой добычи, стали стекаться со всѣхъ сторонъ; они стали прислушиваться и, такъ какъ внѣшнее безмолвіе, царившее въ крѣпости, придавало имъ на-

глости, они отважились проникнуть въ Кремль; они стали подниматься, ихъ руки, искавшія добычи, уже протягивались, какъ вдругъ всё они были уничтожены, раздавлены, подброшены въ воздухъ, вмѣстѣ со стѣнами дворцовъ, которые они пришли грабить, и тридцатю тысячами ружей, оставленныхъ тамъ; затѣмъ, перемѣшавшись съ обломками стѣнъ и оружія оторванныя части ихъ тѣлъ падали далеко на землю, подобно ужасному дождю.

Подъ ногами Мортъе земля дрожала. На десять льё дальше, въ Фоминскомъ, Императоръ слышалъ этотъ взрывъ.

Отнынѣ все, что оставалось позади французовъ, должно предаваться огню. Въ качествѣ завоевателя, Наполеонъ сохранялъ все; отступая, онъ будетъ уничтожать все: изъ необходимости ли, пользуясь которой онъ разорялъ непріятеля и замедлялъ его движеніе, или изъ возмездія, являющагося ужаснымъ послѣдствіемъ всѣхъ вторженій, допускающихъ всевозможныя средства защиты, что, въ свою очередь, вызываетъ то же со стороны атаки.

Впрочемъ, Наполеонъ въ этомъ случаѣ не былъ зачинщикомъ. Бертье еще 19-го октября писалъ Кутузову, прося его «урегулировать враждебность русскихъ такъ, чтобы Московской округѣ приходилось бы выносить лишь тѣ страданія, которыя неизбежно связаны съ военнымъ положеніемъ; такъ какъ разрушеніе Рос-

си, являясь большимъ бѣдствіемъ для страны, тѣмъ самымъ глубоко печалить Наполеона». Но Кутузовъ отвѣчалъ на это, «что онъ лишень возможности сдержать русскій патріотизмъ», какъ бы объявляя намъ этимъ отвѣтомъ чисто татарскую войну, на которую мы какъ бы призывались отвѣчать тѣмъ же.

Такому же огню была предана и Верей, въ которой Мортъ догналъ Императора и куда онъ привелъ Винцингероде. Когда Наполеонъ увидѣлъ этого нѣмецкаго генерала, то онъ обнаружилъ весь пылъ своихъ скрытыхъ страданій; его уныніе преобразовалось въ гнѣвъ и онъ вылилъ на этого врага всю горечь, давившую его послѣднее время. «Кто вы такой?» закричалъ онъ ему, порывисто сжимая свои руки, какъ бы сдерживаясь, чтобы самому не схватить его: «Кто вы? Человѣкъ безъ родины! Вы всегда были моимъ личнымъ врагомъ! Когда я воевалъ съ австрійцами, вы находились въ ихъ рядахъ! Австрія сдѣлалась моей союзницей, а вы поступили на службу Россіи. Вы были однимъ изъ выдающихся виновниковъ настоящей войны. А вѣдь вы родились въ конфедеративныхъ прирейнскихъ Штатахъ; вы—мой подданный. Вы являетесь не обычнымъ врагомъ, но мятежникомъ; я имѣю право судить васъ! Жандармы, хватайте этого человѣка!» Жандармы не двигались, привыкши къ тому, что подобныя рѣзкія сцены оставались безъ

послѣдствій и, зная, что они лучше выразить свою преданность тѣмъ, что не станутъ повиноваться.

Императоръ продолжалъ: «Видите ли вы, сударь, эти разоренныя деревни, эти села, охваченныя пламенемъ! Кого слѣдуетъ упрекать во всѣхъ этихъ бѣдствіяхъ! Человѣкъ пятьдесятъ авантюристовъ, въ родѣ васъ, подстрекаемыхъ Англіей, которая выбросила васъ на континентъ. Но тяжесть этой войны падеть на тѣхъ, кто вызвалъ ее; черезъ шесть мѣсяцевъ я буду въ Петербургѣ и потребую отчета во всѣхъ этихъ издѣвательствахъ!»

Затѣмъ, обращаясь къ адъютанту Винцингероде, бывшему также плѣннымъ, онъ сказалъ: «Что до васъ, графъ Нарышкинъ, мнѣ не за что васъ упрекать; вы—русскій, вы исполняете вашу долъ; но какимъ образомъ человѣкъ, принадлежащій къ одной изъ первыхъ фамилій въ Россіи, могъ стать адъютантомъ наемника-чужестранца? Будьте адъютантомъ русскаго генерала; такая служба будетъ много почтениѣ».

До сихъ поръ генераль Винцингероде могъ отвѣчать на всѣ эти рѣзкія слова лишь своей позой, исполненной сдержанности, какъ и его отвѣтъ. Онъ сказалъ: «Императоръ Александръ облагодѣтельствовалъ меня и все мое семейство; все то, чѣмъ я владѣю, я получилъ отъ него; изъ чувства признательности я сдѣлался

его подданнымъ; я занимаю тотъ постъ, который указалъ мнѣ мой благодѣтель; такимъ образомъ я исполняю свой долгъ».

Наполеонъ прибавилъ еще нѣсколько менѣе значительныхъ угрозъ. Онъ ограничился только этими рѣзкими словами, потому ли, что излилъ весь свой гнѣвъ въ этомъ первомъ порывѣ или потому, что хотѣлъ тѣмъ самымъ напугать всѣхъ нѣмцевъ, которые могли бы имѣть намѣреніе покинуть его. Этимъ, по крайней мѣрѣ, всѣ вокругъ Императора объясняли себѣ его рѣзкость. Она произвела нехорошее впечатлѣніе и каждый изъ насъ поспѣшилъ успокоить и утѣшить русскаго генерала. Мы окружали его этими заботами до самой Литвы, гдѣ казаки отняли у насъ Винцингероде и его адъютанта. Императоръ умышленно проявлялъ доброту по отношенію этого молодого русскаго барина, раздражаясь въ то же время громовыми рѣчами противъ генерала:—это доказывало, что онъ былъ расчетливъ даже въ своемъ гнѣвѣ.

